

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Свой против
своих*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Свой против своих

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Свой против своих / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Денег и успеха всегда мало. Чем больше их имеешь, тем больше в них нуждаешься... Пятеро институтских друзей – две девушки и трое молодых людей, – казалось бы, успешно и счастливо устроились в жизни. У них есть все, чтобы не думать о хлебе насущном, – высокие должности, хорошая карьера, безбедное существование. А еще силы и возможности, чтобы провернуть хитроумную операцию с деньгами благотворительных программ и в случае удачи неплохо заработать. Тех же, кто не согласен с правилами игры, можно и удалить с «поля» – ведь на кону миллионы... Когда дело дошло до убийств, за расследование взялся Александр Борисович Турецкий. Но и он не смог ответить на главный вопрос: почему образованным и состоятельным людям, донельзя избалованным комфортом, стало, вдруг тесно в рамках закона и они, потеряв человеческий облик, ступили на скользкую дорожку преступлений?..

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	37
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

Сентябрь, 2003

В течение вечера Тамара Афанасьевна с медленно нарастающим раздражением несколько раз набирала номер телефона Скворцовой, однако не заставала давнюю подругу дома. Как назло, и мобильник Людмилы отключен. Лишь в одиннадцатом часу та отозвалась, да и то без большого энтузиазма. Видимо, была не одна и вернулась под легким хмельком.

– Люда, скажи, у тебя еще сохранились какие-нибудь связи в финансовой академии? – с ходу перешла к делу Преснякова.

– Безусловно, милая. Я связана с нашей альма-матер прочными узами на веки вечные. А что тебе вдруг понадобилось в этой богадельне? Решила на старости лет получить второй диплом? – решила поерничать в своем недовольстве Людмила Витальевна.

Пропустив корявую шутку подруги мимо ушей, Тамара Афанасьевна ответила:

– Помнится, раньше у них имела такая форма обмена: наши выпускники ехали на двухмесячную стажировку за границу, иностранцы же приезжали к нам.

– Ну-ну. Знаю прекрасно. Я же лично курировала эти большие маневры. Мороки с ними выше крыши.

– Вот я и хотела попросить по старой дружбе, чтобы ты поспособствовала моему Дмитрию попасть в такую обойму. Мальчик с отличием закончил наш финансово-статистический, хочет заниматься международным бизнесом. Он считает...

– Послушай, Томочка, можешь не объяснять мне причины его желания, – с едва заметным раздражением перебила ее собеседница. – Я же не у плетня родилась. У нас днем с огнем не сыскать такого человека, который не мечтал бы стажироваться или работать за границей. Естественно, это выгодно во многих отношениях. Поэтому все туда и рвутся как оголтелые.

– Короче говоря, ты сможешь помочь?

– Попробую. Завтра разнюхаю, какая нынче складывается конъюнктура, тогда и поговорим по душам. Сейчас мне трудно сказать что-либо определенное, я с ними по этой проблеме давно не общалась. Твой парень на чем специализировался?

На такой вопрос Тамара Афанасьевна внятно ответить не могла. Сын был обычным студентом и про сферу своих оригинальных интересов подробно не рассказывал.

– Тогда пусть он сначала зайдет ко мне, – предложила Людмила Витальевна. – Я поговорю с ним поподробней, чтобы потом не случилось накладок. А то или он будет недоволен, или работодатель. Я так часто попадала в дурацкое положение, что уже зареклась кого-либо рекомендовать. Обязательно одна из сторон потом окажется недовольной. Но, будь спокойна, твоего парня в беде не оставим. Разве мы своих сдаем?!

– Куда ему подойти? В банк?

– Нет, это слишком уж откровенно. Обычно мои визитеры на виду, а зачем сотрудникам знать, что я кому-то протежирую. Пусть заедет ко мне домой. Вдобавок на работе у меня такая свистопляска – и не поговоришь толком.

Назавтра, около восьми вечера, двадцатидвухлетний Дмитрий Саврасов с пышным букетом цветов в не менее пышной упаковке из целлофана и гофрированной бумаги входил в подъезд элитного дома, приютившегося в одном из замоскворецких переулков. Одет Дмитрий был в добротный светлый костюм, идеально облегавший его крупную, склонную к полноте фигуру. Очки в модной оправе придавали курносому лицу благородное выражение, которое дополнялось безупречной – волосок к волоску – прической. Светлые волосы были расчесаны на пробор и зафиксированы пеной, имеющей запах дорогого парфюма.

– Ишь какой ты вымахал! – протянула Людмила Витальевна, распахивая перед ним дверь. – Давненько я тебя не видела.

Давненько – это означало почти четыре года, с тех пор как Тамара Афанасьевна перестала отмечать свои дни рождения. Она считала, что после сорока женщине уже нечем хвастаться, то есть, по ее словам, едем с ярмарки. Раньше направлялись на ярмарку, а теперь – возвращаемся с ярмарки. До сорока Преснякова регулярно отмечала свои дни рождения. Это были подлинные праздники, на которые собирался немногочисленный близкий круг друзей, в основном институтских, с которыми училась в одной группе. Людмила была тогда первойшей подругой, да и сейчас остается таковой. Сын Дима обычно присутствовал на подобных торжествах, там его Скворцовская регулярно и видела. Только прежде он был скромным мальчиком, школьником, сидел тише воды ниже травы, а теперь дипломированный специалист, представительный мужчина с голливудской улыбкой и зычным голосом, прямо-таки бычок-производитель.

После того как хозяйка поставила врученные цветы в вазу с водой, они прошли на кухню, размерам которой мог бы позавидовать иной ресторан. Людмила Витальевна на скорую руку сервировала стол: рыбная и мясная нарезки, икра, паштет, красное вино, к кофе упаковка бельгийского печенья.

Людмила Витальевна нынче председатель правления коммерческого банка «Орион-2002», а раньше много лет работала проректором финансово-статистического института, который в свое время заканчивали она и мать Дмитрия. Нынче этот вуз, как и много других прежних институтов, академия.

Хозяйка подробно стала расспрашивать гостя, насколько тот владеет английским, где был на практике, кто был его научным руководителем, на какую тему писал диплом, какую специальную литературу читает, следит ли за финансовой периодикой – нашей, зарубежной. Из его ответов складывался портрет молодого интеллигента с бойким английским, серьезно интересующегося теоретическими предпосылками успешного бизнеса, мечтающего применить свои первые, пусть даже робкие выводы на практике. Однако здесь, в России, он чувствует, оригинально мыслящему человеку развернуться сложно.

– К тому же опасно, – согласилась Людмила Витальевна. – Я сегодня справилась в академии. У них по-прежнему имеются целевые программы по международной тематике. Безусловно, конкурс астрономический, все места давно забиты, прорваться трудно. Однако у меня есть реальная возможность получить дополнительное место по индивидуальному запросу. Причем не где-нибудь, а в Штатах. Это нужно будет сделать через нашего с мамой однокашника по аспирантуре – Игоря Семеновича Коростылева. Ты ведь тоже его прекрасно знаешь.

– Дядю Игоря? – улыбнулся Дмитрий. – Знаю, конечно. Когда я был маленьким, он меня брал и на футбол, и на хоккей. Правда, мы с ним давно не виделись.

– Коростылев сейчас шишка на ровном месте – работает в комитете ООН, занимается бюджетными и административными вопросами. У них там постоянно меняющаяся структура, от него зависит довольно много. Поэтому в принципе проблема с твоим устройством ему будет вполне по силам. Во избежание кривотолков я не стану звонить по телефону, вдруг прослушиваются, у нас или у них. Буквально завтра все напишу ему по электронной почте. – Вдруг Людмила Витальевна всплеснула руками: – Что-то мы с тобой тут сидим за какой-то несерьезной едой. А мне вдруг горячего захотелось. От вина, что ли, аппетит разыгрался. Ты не против подкрепиться?

– Спасибо, я совсем не голоден, – замялся гость.

– Не скромничай. Растущий организм постоянно нуждается в подпитке витаминами. Посиди минуточку, я приготовлю.

Она выскользнула в комнату, где позвякала посудой. Потом громко крикнула:

– Дмитрий, помоги мне достать блюдо.

Будущий бизнесмен вошел в комнату. Людмила Витальевна сидела на корточках перед сервантом, пытаясь достать из стопки большое блюдо. Чтобы не помять юбку, она приподняла ее переднюю часть чуть выше расставленных колен. При этом ненароком бросалось в глаза, что на хозяйке не было нижнего белья.

– Подними, пожалуйста, стопку, а я достану.

Она смотрела на него откровенно похотливым взглядом. Тут уже забудешь про все на свете – и что женщина в два раза старше тебя, и что это мамина подруга, и что пришел по делу. Не ожидавший такого поворота Дмитрий, у которого от возбуждения перед глазами поплыли красные круги, подошел, нагнулся к ней и нежно-нежно провел ладонью между ног. Людмила Витальевна, ойкнув, откинулась на ковер...

Глава 1

Дама с собачкой

В 2005 году вторая половина лета и начало осени порадовали москвичей хорошей погодой. На смену жаркому августу пришел удивительно теплый сентябрь – без дождей и ветра. Днем яркая синева неба меньше всего напоминала осень, да и ночи были под стать: звездные, теплые, словно в июле. Идеальный образец бабьего лета, о каком можно только мечтать. Вот уже 17 сентября – и все это время держится отличная погода. Никого не удивило бы, если бы она вдруг испортилась. К такому повороту москвичи морально готовы. Не все коту масленица, побаловала природа – и хватит, пора и честь знать. Спасибо за доставленное удовольствие, теперь будет что вспомнить. Тем не менее один погожий день следовал за другим, поддерживая оптимистичное настроение. В листве деревьев лишь местами брызнула желтизна, в основном взгляд по-прежнему радовала сочная, мясистая зелень, что несказанно украшает город. Да и многое в Москве сейчас кажется благодушным – и улицы, и дома, и мосты. Кажется, людям сейчас впору только и заниматься тем, что сочинять лирические стихи, играть на флейте или, примостившись в укромном уголке с этюдником, делать акварельные пейзажные зарисовки.

Но это все в свободное от работы время. Когда же находишься на посту, тут тебе не до акварелей.

Сержант милиции Михаил Сыромятников без особого энтузиазма воспринял известие о своем переводе на Кутузовский проспект. Возможно, для коренных москвичей пост там и считается престижным. Для него же, недавнего архангелогородца, все столичные районы одинаковы. Больше того, Михаил прекрасно знал, что Кутузовский проспект – это правительственная трасса, здесь ответственности у милиционеров гораздо больше, чем, скажем, в отдаленных спальных районах. Он с удовольствием дежурил бы там, где попроще. Ребята говорят, что во всяких выпендренных местах пахнет терактами. Правда, судя по газетам, более или менее заметные эксцессы со взрывами происходили где угодно, только не на Кутузовском. Что же касается профилактики, то прав был их подполковник, который однажды высказался о ее объективной трудности. Виной всему, как он выразился, является «быстро растущая миниатюризация взрывчатых веществ». Вышел человек из магазина, бросил в урну возле входа пустую коробку из-под сигарет, ну и все – потом полмагазина разнесет в клочья. Не станешь же проверять всякий выброшенный мусор.

На деле дежурство на Кутузовском проспекте оказалось не таким уж сложным. Район, конечно, многолюдный, суматошный, тут полным-полно магазинов. Зато под боком нет ни вокзалов, ни крупных предприятий, да и мелких тоже. Публика, видать, живет тут особая – ни одной драки не пришлось разнимать. Если и попадались пьяные, то пришлые: где-то выпили лишку, а до своих Черемушек не доехали. Происходит это, как правило, после каких-либо многолюдных мероприятий на Поклонной горе, по ту сторону Триумфальной арки. В целом же на удивление спокойно. Взять хотя бы нынешний субботний вечер. Где еще в это время увидишь так мало народа? И это при работающих магазинах, которых тут что собак нерезаных. Разумеется, днем тоже не все магазины ломятся от покупателей. Большинство из них так называемые бутики, рассчитанные на супербогатую клиентуру, простому человеку туда и зайти-то боязно. Ну а где находится вся крутизна в теплый сентябрьский вечер? Конечно же оттягивается в загородных особняках. Они туда еще в пятницу вечером рванули. Поэтому сейчас здесь уже и машин мало, да и людей тоже. По ту сторону проспекта вдалеке стоит возле обочины серебристый «мерседес» Е-240, сидят в нем какие-то люди. Давно стоит. Может, пассажиры пошли в магазин, Сыромятников этого не заметил. Там близко магазин модной одежды. Если

произошла поломка, необходимо включить аварийные огни. Правда, тогда водитель уже вертелся бы снаружи, поднял бы капот. Хотя вряд ли такие классные тачки ломаются на полпути.

Время от времени Сыромятников поглядывал на странную машину. Чем дольше стоял «мерседес», тем чаще смотрел на него сержант. Уже подошел бы к нему, да слишком далеко. Наконец он увидел, что открылись обе дверцы с правой стороны и из машины вышли два человека: женщина и мужчина. Женщина покинула заднее сиденье, мужчина сидел рядом с водителем – вышел через переднюю дверь. Пара пересекла газон и остановилась на тротуаре. Между ними произошел коротенький разговор, после чего мужчина вернулся к машине. Открыв дверь, он нагнулся, скрылся наполовину в салоне, после чего снова вынырнул и, сильно хлопнув дверью, возвратился к поджидавшей его на тротуаре спутнице.

Они быстро направились в сторону Триумфальной арки. Вскоре стоявший на противоположной стороне широкого проспекта Сыромятников более или менее смог рассмотреть их. Женщина была в темных брюках, в пестрой хламиде, что-то среднее между кофтой и пальто, и в туфлях на высоких каблуках. На руках она держала маленькую собачку. Сержант видел таких смешных собачонок с приплюснутой мордой только по телевизору, кажется, эта порода называется пекинес. Сами маленькие, а шерсть длинная, сразу трудно разобрать, где глаза.

Здоровяк мужчина одет был попроще: обычный костюм, под пиджаком серая майка с круглым воротом. Он был явно моложе своей спутницы. Даже издали от него исходило ощущение физической силы, энергии. На первый взгляд его можно было принять за телохранителя той модной дамочки. Однако они идут так, будто женщина охраняет его. Здоровяк мерно шагает впереди, дама с собачкой семенит за ним, иногда обращаясь к нему с какими-то словами, тот, не поворачивая головы, отрывисто отвечает. Вдобавок женщина время от времени оглядывается по сторонам, как будто наблюдает, не грозит ли ее суровому спутнику опасность.

Серебристый «мерседес» остался на месте, по-прежнему без габаритных огней, что весьма опасно для него и проезжающих – ведь сумерки уже сменились темнотой. Непохоже, чтобы машина принадлежала этой странной паре – мужчина вышел-то с правой стороны, значит, за рулем находится кто-то другой. К тому же парочка ушла далеко от «мерседеса», почему бы им не доехать до нужного места. Все это очень странно.

Мужчина и женщина с лохматой собачкой на руках приблизились к подземному переходу. Сыромятников решил так: если они спустятся в переход, он их тут встретит и, возможно, проверит документы, спросит, почему так надолго машина без включенных габаритных огней стоит на проезжей части. Если же минуют его, сержант перейдет на ту сторону и последует за ними.

Миновав переход, парочка из «мерседеса» направились в сторону Триумфальной арки. Сыромятников вприпрыжку спустился в переход, а когда поднялся на противоположной стороне проспекта, то не увидел тех, за кем следил издали. Сержант опешил: совершенно непонятно, куда они могли вдруг деться. Квартал магазинов уже закончился, между домами хорошо освещенный пробел, там их нет, да и свернули бы туда раньше, если бы понадобилось. Сыромятников посмотрел вдаль – ни автобуса, ни троллейбуса впереди не видно, значит, на общественном транспорте уехать не могли, маршруток тоже нет. Куда же они испарились?!

На остановке он заметил двух девчонок: малолетки пили из бутылок пиво и закусывали чипсами. В другое время сержант нашел бы, что сказать этим жизнерадостным соплюшкам, мигом приструнил бы, однако сейчас ему требовалась их помощь, поэтому разговор пошел другой. Сыромятников спросил, видели ли они проходивших только что женщину с собачкой и мужчину.

– Я без понятия, – с обезоруживающей улыбкой ответила та девушка, которая сидела спиной к тротуару.

– А я видела, – сказала вторая.

– Куда они пошли?

- По-моему, на машине уехали.
- На какой? Они проголосовали?
- Да вроде нет.
- Так что за машина?
- Кажется, иномарка.
- Как называется?

Этого девушка не знала. Без особой уверенности сказала, что машина была черного цвета, большего добиться от нее не удалось, однако и эти скудные сведения дали милиционеру пищу для подозрений. Люди долго сидели в одной машине, потом вдруг пешком пошли к другой. Почему первая их не подвезла? Тем более что та долго стоит в таком неудобном месте, откуда сам Бог велел побыстрее убраться.

Сыромятников решительно направился к серебристому «мерседесу». Он вышел на проезжую часть, ожидая, что при виде милиционера машина вот-вот тронется с места. Тогда он в случае чего хотя бы запишет ее номер. Во всей ситуации чувствовалась какая-то ненормальность, сержант даже начал нервничать. Возможно, в машине сидят вооруженные бандиты, которые сейчас начнут палить по чем зря из автомата. На всякий случай Михаил снова перешел на тротуар.

Поравнявшись с застывшим «мерседесом», он увидел сильно тонированные стекла, мешавшие разглядеть находящихся в салоне. Только нагнувшись таким образом, чтобы фоном служили ярко освещенные на противоположной стороне проспекта витрины, ему удалось разглядеть силуэты двоих неподвижно сидящих в машине людей: мужчина за рулем и женщина на заднем сиденье. Складывалось полное впечатление, будто оба, опустив головы, спали. Однако Сыромятникову сразу стало ясно, что это за сон.

Приблизившись к «мерседесу», он открыл правую переднюю дверь.

И женщина и мужчина были убиты выстрелами в сердце. Преступник предусмотрел, чтобы пули не прошли навылет, иначе звон разбитого стекла или треск продырявленной обшивки сразу бы выдали его, привлекли внимание.

Сержант моментально позвонил в свое отделение.

Сообщение про «огнестрел» вызвало там знакомую даже недавнему архангелогородцу кутерьму. Дежурный капитан одновременно разговаривал с несколькими людьми: задавал уточняющие вопросы Сыромятникову, транслировал ответы с собственными комментариями подошедшему майору, кричал вслед советы лейтенанту из оперативно-следственного отдела, торопил водителя, доносились еще какие-то голоса...

Примерно через полчаса на место преступления прибыла дежурная оперативно-следственная бригада.

Осмотром руководил старший следователь прокуратуры Центрального округа Москвы младший советник юстиции Алексей Михайлович Курточкин, довольно опытный юрист с десятилетним стажем службы в прокурорских органах. Когда тот подходил к машине, в салоне запиликал мобильный телефон. Курточкин, словно коршун за цыпленком, ринулся на звук, однако, пока доставал мобильник – тот находился в застегнутой на «молнию» женской сумке, – мелодия прекратилась. Прекратилась буквально в тот самый момент, когда он взял аппарат в руку и был готов нажать кнопку связи.

- Черт, не успел, – хмыкнул следователь.
- Может, еще кто позвонит, – сказал другой оперативник.
- Будем надеяться.

У обоих убитых мобильники были включены. Алексей Михайлович не мешкая положил их себе в карман: пусть будут под рукой.

Сначала нашли документы убитого водителя, Максима Николаевича Сурманинова. Машину он водил по доверенности, принадлежал этот «мерседес» Тамаре Афанасьевне Прес-

няковой. Долго хозяйку разыскивать не пришлось – именно она была застрелена на заднем сиденье собственного автомобиля. Когда Курточкин достал из сумочки ее служебное удостоверение, ярко-красные ламинированные корочки большого формата, он даже присвистнул от удивления – погибшая оказалась первым заместителем председателя правления банка «Сердце России». Должность не из последних.

Раньше Алексею Михайловичу неоднократно приходилось слышать такое название, это был один из самых старых и крупных отечественных банков. Судя по частоте его упоминаний в прессе, очень популярный. В вагонах метро глаза мозолили рекламные постеры этого финансового заведения: картинка приятного бирюзового цвета, на ней изображен уверенный молодой человек в отличном костюме. Сверху крупным шрифтом написано: «Мы любим работать». Надо полагать, первый заместитель председателя правления «Сердца России» персоне весьма знаменитая и авторитетная в банковской среде страны. Такой фигуре известно немало финансовых секретов, и заранее можно с огромной долей уверенности сказать, что убийство связано с ее профессиональной деятельностью. Однако вероятность того, что расправились с водителем, а банкиршу убрали как нежелательную свидетельницу, тоже существует. Неизвестно еще, что за птица этот Сурманинов. Окружение банковских руководителей значительно отличается по своему менталитету, скажем, от школьных преподавателей математики или музейных экскурсоводов.

Теперь необходимо взять показания, да только не у кого. Сержант Сыромятников уже рассказал все, что видел, и Алексей Михайлович похвалил его за интуицию, позволившую быстро обнаружить погибших. Посланные по следам преступников оперативники обошли все магазины – никто из охранников или продавцов не обратил внимания на даму с собачкой и ее спутника. Девчонок на остановке, с которыми разговаривал сержант, естественно, и след простыл, да и вряд ли бы они смогли добавить что-либо к сказанному. Курточкин распорядился, чтобы оперативники спрашивали у жильцов ближайшего дома насчет машины, на которой уехали преступники. О госномере автомобиля мечтать нечего, их случайные свидетели упоминают только в детективных книгах. Может, кто-нибудь назовет хотя бы марку. Нет, никто не видел.

С незадачливым видом следователь Курточкин почесывал затылок, как это машинально делают люди, столкнувшиеся с трудноразрешимой задачей.

Внешне он меньше всего походил на супермена, в образе которого сплошь и рядом показывают следователей в кино или описывают в тех же дешевых детективах. Тридцатипятилетний Алексей Михайлович скорее напоминал циркового клоуна. Только слепая любовь жены позволяла ей утверждать, что ее Лешенька напоминает коротышку Наполеона – низенького роста, небогат волосами и полненький, что является следствием совершенно неумейной любви к пиву. Он готов был простить все огрехи перестройке только за то, что теперь люди стали избалованы многочисленными, в том числе самыми изысканными, даже импортными, сортами пива. И купить этот замечательный напиток можно в любое время дня и ночи.

Однако сейчас ему было не до пива. В голове крутились вопросы, на которые пока нет ответа. Для начала нужно узнать домашние адреса погибших. В этом районе жил кто-то из них, или они приехали по делам. Если приезжали, то зачем, к кому. Если Сыромятников не ошибся и преступники тоже находились в пресняковской машине, то где они к ним подсели. В общем, вопросов выше крыши.

Паспортов при себе у погибших не оказалось, хорошо, хоть при Пресняковой имеется служебное удостоверение банка, там и скажут домашний адрес. Курточкин попросил заняться этим дежурных в городской прокуратуре. Те быстро выяснили через банк, что москвичка Тамара Афанасьевна Преснякова, 1959 года рождения, проживала на Комсомольском проспекте, а сотрудник службы безопасности Максим Николаевич Сурманинов, 1975 года рождения, в отдаленном Бескудникове, нашли номера их домашних телефонов.

Толку от этой подсказки мало. С какой вдруг сырости гражданка Преснякова в нерабочее субботнее время оказалась на Кутузовском проспекте? Что послужило причиной ее появления здесь? Приехала в гости или по делам? Если по делам, то по каким? Чего она опасалась? В связи с чем взяла с собой телохранителя? Под мышкой в кобуре у того был «макаров», которым бедняга не успел воспользоваться. Почему? На первый взгляд это все вопросы второстепенные, однако, не ответив на них, невозможно узнать, кто и по какой причине «замочил» женщину, занимающую один из ключевых постов в крупном банке, и ее телохранителя.

Был уже первый час ночи, когда один из оперативников спросил Курточкина:

– Будем звонить им домой?

– Ну а как иначе. Не тянуть же до утра. Нужно сказать близким. Те, наверное, волнуются.

Однако ни у Пресняковой, ни у Сурманинова никого дома не застали.

Трупы сфотографировали в разных ракурсах, после чего отправили в морг. Никаких подозрительных вещдоков сыщики в «мерседесе» не обнаружили. Его увезли на эвакуаторе в гараж прокуратуры.

Вскоре оперативники уехали, и Сыромятников вернулся на свой пост, на другую сторону проспекта. Ему сменяться еще не скоро.

Глава 2

Не самый удачный день

Когда председатель совета директоров банка «Сердце России» Богдан Кириллович Востриков узнавал из телевизионных новостей про всякого рода катастрофы, он воспринимал такие сообщения в меру спокойно. Жалко, конечно, особенно когда при этом погибают люди. Но все же, как ни крути, событие далекое, отстраненное. Жилой дом рухнул за тридевять земель, очередная перестрелка произошла в Ираке, наводнение случилось в Новом Орлеане, поезда столкнулись вообще в другом полушарии. Это еще как-то можно перенести. Вчера же подобное происшествие отнюдь не вселенских масштабов случилось под боком, после чего он прямо места себе не находил.

Ночью рядом с его домом произошел сильный пожар. Сгорел хороший магазин, которым семья Востриковых регулярно пользовалась. До него рукой подать, дорогу переходить не нужно, и все продукты там продавались: от хлеба до полуфабрикатов. Спустился, купил, положил в микроволновку – и через две минуты обед готов. Нужно быстро подготовиться к приходу гостей – то же самое. Колоссальная экономия времени.

Это было одноэтажное строение, окрестные жители его называли «модулем». Кроме магазина там имелись парикмахерская и недавно открывшийся зал игровых автоматов, из-за которого, говорят, все и произошло – он в первую очередь загорелся. Наверное, кто-то из проигравших со злости поджег зал. Неизвестно, долго ли ехали пожарные или среди ночи им просто не сразу сообщили о происшествии, во всяком случае, когда они прибыли, все сооружение уже сгорело дотла.

Утром Богдан Кириллович почувствовал запах гари и вышел на кухню. Сам некурящий, подумал, кто-нибудь из домашних, жена или сын, бросил в помойное ведро не до конца погашенную сигарету. Заглянул – нет, все в порядке, чисто. Приоткрыл дверь на лестничную клетку – там запах чувствуется слабее, чем в квартире. Потом, выглянув в окно, увидел черное пепелище и обомлел – нет модуля. Как корова языком слизала. Значит, несколько десятков человек лишились работы, что по нынешним временам равноценно катастрофе, и у окрестных жителей появятся всякие мелкие неудобства. Это гораздо неприятней, чем сильный пожар в сингапурской гостинице, увиденный вчера по телевизору.

Целый день сгоревший под окнами магазин лез в голову. Возможно, он и сегодня вспомнился бы Вострикову, да только после раннего телефонного звонка Богдан Кириллович больше ни о чем другом думать не мог. Позвонил следователь Курточкин из прокуратуры и сказал, что вчера вечером убита его первая заместительница Преснякова.

– Что?! – зарычал Востриков, не веря словам собеседника.

– Увы, Тамара Афанасьевна и ее водитель Сурманинов застрелены вчера прямо в ее «мерседесе». Выстрелы сделаны в упор, смерть наступила мгновенно.

Председатель банка ойкнул и, не выпуская трубку из рук, медленно опустился на стул.

– Что же теперь делать?

– По факту убийства прокуратурой возбуждено уголовное дело, – слово «возбуждено» следователь произнес на профессиональном жаргоне, сделав ударение на втором слоге, – будет вестись следствие. Очевидно, возникнут вопросы и к вам как к руководителю предприятия. Необходимо определить круг знакомств Пресняковой, последние служебные дела, вообще узнать про особенности вашей работы.

– Конечно, конечно, – согласно поддакивал Востриков.

– Не секрет, что многим высокопоставленным людям в финансовой сфере угрожают недовольные партнеры. Милиция завалена сигналами подобного рода. Необходимо выяснить

про угрозы, если таковые имелись. Короче говоря, вам желательно вспомнить, кто мог быть недоволен какими-либо действиями Пресняковой.

– Другими словами, назвать, кого я подозреваю?

– Можно сказать и так, – согласился Курточкин. – Следов осталось мало, а версий в подобных случаях возникает много. Вполне допускается и такая, что преступники охотились за Сурманиновым, Преснякову же убили как нежелательную свидетельницу. То есть все нужно будет проверять комплексно. Вы, кстати, этого охранника Сурманинова хорошо знали?

– Нет, я с ним практически не сталкивался. Охрану нам подбирает кадровое агентство.

– У вас тоже имеется личный телохранитель?

– Да, он же по совместительству водитель. Точнее, водитель и по совместительству охранник. Так же было и у Тамары Афанасьевны. Насколько я понял, все сотрудники охраны по большей части бывшие спецназовцы, некоторые служили в милиции.

– Ну вот, скажем, по выходным дням они тоже обязаны работать?

– По договоренности, за отдельную плату.

– То есть, если мы сегодня попросим вас приехать в банк или вызовем в прокуратуру, вы должны звонить своему охраннику. А если он занят?

– Всяко бывает. Я вот однажды своему позвонил во внеурочное время, так Виктор даже разговаривать не мог – ребенка купал. Поэтому предпочтительнее все делать заранее.

Курточкину стало неудобно, что он так долго расспрашивает незнакомого человека по телефону.

– Богдан Кириллович, наверное, нам нужно будет встретиться, возможно даже сегодня. Очевидно, дело поручат Генеральной прокуратуре – статус погибшей обязывает. Если что понадобится, то либо мы подъедем к вам, либо пришьем за вами машину. Во всяком случае, будем держать вас в курсе дела. Вы сегодня куда-нибудь собираетесь уезжать или будете дома?

– В принципе хотел расслабиться дома. Но бывают непредвиденные обстоятельства, поэтому вы оставьте мне свои телефоны. Если вдруг понадобится отлучиться, я предупрежу. Только у меня сейчас такое минорное настроение, что из дома носа казать не хочется.

– Понимаю, – сказал следователь.

Глава 3

Туда и обратно

Как говорил Гоголь, бисовы колядки. Раз в год по обещанию чета Турецких выбиралась в подмосковное Абрамцево, на дачу своего закадычного товарища, отмечавшего день рождения. В этот раз 18 сентября удачно выпало на воскресенье. Погода отличная – тепло, сухо. Специально поехали на электричке – не на машине, чтобы Александру Борисовичу не выглядеть за праздничным столом белой вороной, пусть уж выпьет за компанию. На такие жертвы пошла его жена Ирина. Как и следовало ожидать, народу в электричке было битком, почти всю дорогу Турецкие стояли. И надо же случиться такой напасти – только пришли на участок, еще не со всеми обитателями дома успели поздороваться, подарок «новорожденному» не вручили, как Турецкого вызвали в прокуратуру.

Случаются дни, когда подобный звонок он перенес бы не моргнув глазом. Например, вчера, в субботу, жена заставила его пылесосить квартиру. Александр Борисович эту процедуру терпеть не может, с большим бы удовольствием поехал на работу, на задержание вооруженного до зубов преступника, в погоню за террористами – куда угодно. Мечтал об этом. Так нет же, не вызвали. Ни одного звонка, будто все вымерли. Как назло, оставили в покое, наедине с коврами и мебелью, которую приходится отодвигать, потом возвращать на место. Сегодня же, когда находился, считай, в двух шагах от счастья, когда предвкушал встречу со старыми друзьями, с которыми давно не виделся, когда, заметив готовое мясо для шашлыков и много блюд с аппетитными закусками, уже с плотоядным выражением лица довольно потирал руки, вызвали. Позвонил Меркулов и сказал, что вчера вечером застрелена авторитетная банкирша, обладательница всех мыслимых и немыслимых финансовых секретов.

Александр Борисович еще немного поломался для приличия: мол, нельзя ли сегодня обойтись без меня, подключусь завтра утром, хочется в кои-то веки маленько расслабиться. Однако уже сам прекрасно сознавал, что ведет подобные разговоры для нищих по инерции, и сам в них не верит ни на грош, и звонивший Меркулов пропустит его нытье мимо ушей. Понимающая расстроенная Ирина уже попросила у хозяйки расписание электричек на Москву и с кислым лицом успокаивала мужа: «Что же делать, такова твоя планида – следак есть следак», и даже кофейку с дороги не успел хлебнуть – вот-вот придет электричка, а следующая будет только через полчаса, нужно мчаться на эту. Турецкий натужно отшутился:

– Можете мне позавидовать белой завистью: поеду с комфортом – сейчас мало дураков найдется ехать в Москву. Поеду, как на такси, с ветерком.

Такси не такси, однако народу в вагоне действительно негусто. Во всяком случае, можно было сесть у окна, без смущения вести по мобильному телефону деловые разговоры, и после беседы с Курточкиным из городской прокуратуры Александр Борисович уже более или менее был в курсе вчерашних трагических событий на Кутузовском проспекте.

Хорошо, что Алексей Михайлович уже держал председателя «Сердца России» на поводке и просил того предупредить о боевой готовности инспектора банка по кадрам. Очевидно, с ними придется встретиться в первую очередь. Хотя бы узнать такую простую вещь, почему ни у Пресняковой, ни у Сурманинова дома никто не отвечает. И у той и у другого нет ни семьи, ни детей? Так какие между ними отношения? Начальник-подчиненный или более близкие? Чего ради их носило вместе по городу в субботний вечер? Да еще в компании с парочкой опасных преступников, а у модно одетой женщины при себе к тому же имелась собачка. Получается, преступление совершено экспромтом. Не пойдет же нормальный человек на дело с собакой. Даже самое что ни на есть дрессированное животное способно повести себя в кульминационный момент неадекватно. Однако пусть даже собака поведет себя мирно, яркая примета оста-

ется – если по пути эту пару никто не видел, все же теперь известно, что у преступницы имеется пекинес. При определенных условиях такой факт может стать сильным козырем. Однако до того момента, когда такой козырь окажется в руках, еще дожить надо.

Заместитель генерального прокурора Меркулов привычно сидел за заваленным бумагами столом в своем кабинете, можно подумать, и не уходил отсюда с позавчерашнего дня. Бодро привстал со стула, чтобы поздороваться, толстячок Курточкин. Устал следователь, не мог не устать за ночь, правда, вида не показывает, доволен, что очутился в столь авторитетной компании «важняков», о которых в профессиональной среде ходили легенды. Судя по тому, что Алексей Михайлович успел разузнать к этому времени, такой башковитый сотрудник обедни не испортит.

– Генеральному уже обо всем доложили, – сообщил Константин Дмитриевич, – сегодня утром. Он попросил назначить тебя руководителем следственной бригады.

– Я вроде бы по банкам не большой специалист, – осторожно заметил Турецкий.

– Здравсте пожалуйста! А кто раскрыл убийство банкира Коробкина?

– Коробкина убили не из-за профессиональной деятельности, – напомнил Александр Борисович. – Из-за нестандартной сексуальной ориентации.

– Здесь тоже истинная причина неизвестна. Профессиональная деятельность, бытовые мотивы. Возможны варианты. Правда, генеральный уверен, что охотились за Пресняковой, охранник просто под руку подвернулся. Поэтому и просил тебе поручить. Сказал, чтобы ты сам решил, разрабатывать версию охранника или проигнорировать ее. Как тебе интуиция подскажет. – Константин Дмитриевич сделал мхатовскую паузу. – Что она тебе подсказывает?

– Пока ничего, – пожал плечами Турецкий. – А рассуждая логически, охранника тоже нужно проверять. Ведь человек работал не продавцом газетного киоска. Оружие у него при себе имелось?

– Табельный «макаров», – подсказал следователь.

– Имелось. Люди, связанные с оружием крепкими узами, вообще сильно отличаются от представителей миролюбивых кругов. Кому известно, какие дела были у Сурманинова помимо охраны высокопоставленной банкирши? Конечно, его тоже нужно хорошенько потряхнуть.

– Ну давай потряхнем, что нам мешает. Выделим дополнительного человека. Ты по пути сюда прикинул, сколько людей тебе на круг понадобится для такого дела?

– Надеюсь, Алексей Михайлович согласится работать в бригаде. – Курточкин сдержанно поблагодарил «важняка» коротким кивком. – Мы сегодня вместе выясним кой-какие детали, а завтра утром попрошу о привлечении других участников. Сейчас мне даже приблизительно трудно представить объем следствия.

– Все равно кому-то придется ехать по домашним адресам. Надо же предупредить родственников погибших.

– Ладно. Сейчас поговорим с председателем банка, с инспектором по кадрам, тогда фронт работ станет нагляднее. Понадобится, попрошу кого-нибудь из оперов подъехать по адресам. Кто к кому ближе живет. Будут вопросы, позвоним, – не удержался Турецкий от того, чтобы не съерничать.

– Хватит зубы скалить, – миролюбиво проворчал в ответ либеральный Константин Дмитриевич. – В любом случае позвоните мне вечером. Интересно знать, насколько вы продвинетесь по горячим следам. Ступайте, и да будет легок ваш путь.

Оба следователя перешли в находившийся этажом выше кабинет Турецкого, где Алексей Михайлович сразу подсел к телефону, позвонил председателю «Сердца России» и, сказав, что с ним хочет поговорить следователь по особо важным делам, передал трубку Александру Борисовичу.

– Собственно говоря, я хотел условиться с вами о встрече. Телефонные разговоры не заменяют непосредственных контактов. Думаю, лучше всего было встретиться в вашем банке.

Наверняка понадобится просмотреть личные дела погибших, какие-то записи, документы. Чтобы уж все было под рукой.

– Да, я подъеду, когда скажете, – смиренным тоном ответил Богдан Кириллович.

– Хорошо, если инспектор по кадрам тоже приедет.

– Татьяна Васильевна предупреждена.

– Сегодня воскресенье, город пустой. Мы с Алексеем Михайловичем поедem на машине из главка, то есть с Петровки, по пути готовы заехать и за вами, и за кадровичкой.

Банк «Сердце России» находился в Черемушках, инспектор по кадрам жила близко от него, добиралась своим ходом, а Востриков обитал в высотном доме на Кудринской площади, которую по многолетней привычке называл площадью Восстания. Заезжая за ним, следователям даже крюк делать не пришлось.

– Знаете, почему я не рад нашей встрече? – задал странный вопрос Богдан Кириллович, когда появившиеся в квартире следователи показали ему свои удостоверения.

– При виде нас редко кто радуется, – философски заметил Александр Борисович.

– После звонка до вашего появления я надеялся, что таким образом меня хотят заманить в ловушку. На самом же деле с Пресняковой ничего не произошло.

– Вы, видимо, читаете много детективов, раз додумались до такого оригинального варианта.

– Я их вообще не читаю. Зато фильмы иногда смотрю. Они тоже подкидывают изощренные идеи.

– А если бы мы в самом деле оказались преступниками, как бы нам противостояли? – спросил Алексей Михайлович.

– В комнате были жена и сын, – простодушно объяснил Востриков.

В «Сердце России», в отделанном мрамором холле первого этажа, их уже поджидала инспектор банка по кадрам Татьяна Васильевна, миниатюрная женщина в строгом темном костюме. По ее лицу было понятно, что от всего происшедшего она находится в шоке. Для начала следователи попросили ее принести личные дела погибших: трудовые книжки, анкеты. Через минуту нужные бумаги оказались в председательском кабинете.

Преснякова была разведена с мужем, у нее был сын Дмитрий – ровно вдвое моложе ее, ему двадцать три. Он носил девичью фамилию матери – Саврасов.

– Получается, сыну до сих пор не сообщили о ее гибели? – обратился Александр Борисович к Курточкину.

– Его может не быть в Москве, – сказал Востриков. – У Дмитрия есть собственная фирма на Кипре, и он большую часть времени проводит там.

– Телефон-то его тамошний вы знаете?

– Я – нет. Может, кто из сотрудников знает или есть в ее записной книжке.

– Ладно, там видно будет. – Взяв следующую анкету, Турецкий пробежал ее глазами. – У Сурманинова жена Лидия, сыну Вадиму десять лет. Небось мальчик в школе учится.

– Могли на выходные куда-нибудь поехать, – сказал Курточкин, ненароком насыпав Александру Борисовичу соль на рану – напомнил о его сегодняшнем неудачном визите в Абрамцево. Там уже шашлык шкварчит вовсю.

– Только в анкете указан адрес Полярная улица, это в Медведкове, – продолжал Алексей Михайлович. – Мне же сказали, что он живет в Бескудникове, и телефон другой дали.

– Это где никто не подходит? Значит, нужно звякнуть по медведковскому, уточнить.

Курточкин набрал номер и, услышав в ответ женский голос, спросил:

– Простите, это квартира Сурманиновых?

– Да.

– С вами говорит старший следователь прокуратуры Центрального административного округа Курточкин. Вы кем приходитесь Максиму Николаевичу?

– Это мой бывший муж.

– Как вас зовут?

– Лидия.

– Вы слышали о том, что произошло с Максимом Николаевичем?

– Нет, ничего не знаю.

– У меня, Лидия, прискорбное известие. Вчера вечером ваш бывший муж погиб.

Собеседница громко ойкнула:

– Как же это случилось?

– Максим Николаевич работал охранником, должность по нынешним временам весьма опасная. Очевидно, погиб, как пишут журналисты, на боевом посту. Мы постараемся выяснить все подробности этого происшествия, прокуратурой заведено уголовное дело. Вместе с ним погибла и объект его охраны – Тамара Афанасьевна Преснякова. Вы слышали такое имя?

– Нет. Максим только сказал как-то вскользь, что охраняет банкиршу, только имя не называл. Зачем оно мне?

– Вы давно в разводе?

– Чуть больше года.

– Какие у вас отношения?

– Плохие. Иначе бы не разводились.

– Но вы же общались?

– У нас растет сын. Максим собирался вчера вечером заехать. А потом позвонил, жаловался, что неожиданно вызван на работу. Он чаще всего приезжал в субботу или в воскресенье. В будние дни допоздна занят.

– Лидия, я чувствую, нам будет необходимо встретиться, чтобы вы поподробней ответили на все наши вопросы, которые, кстати, полностью не готовы, следствие только начинается.

– А когда будут похороны?

– Тоже еще неизвестно. Вы запишите все наши телефоны, и мы будем созваниваться. – Алексей Михайлович продиктовал номера своих телефонов и, по безмолвному знаку Турецкого, его тоже. Потом спросил Лидию: – Кому еще из близких людей нам следует сообщить о гибели Максима Николаевича?

– Родителям.

– Они живут в Москве?

– В Москве, – сказала Сурманинова и с горечью добавила: – Это мы, считай, за городом, а они в Москве, на Таганке.

Записав телефон родителей, Курточкин скорчил плаксивое лицо:

– До того неохота сообщать им такую весть – хоть в петлю лезь.

– Надо было узнать про них поподробней, – сказал Александр Борисович. – Может, они такие старые и больные, что нужно предварительно «скорую помощь» подогнать, а потом говорить про гибель сына.

Еще раз позвонив бывшей жене погибшего, Алексей Михайлович узнал, что родители Сурманинова люди сравнительно нестарые, оба едва достигли пенсионного возраста, работают, а по выходным в хорошую погоду, как сегодня, часто ходят в однодневные походы. Следовательно позвонил им, не застал, чем и остался доволен – лучше сообщить прискорбную весть попозже.

Трудовая книжка Сурманинова требовала специальной расшифровки – сплошные ООО и АОЗТ. Вот у Пресняковой все понятно, да и мест работы она сменила мало. Последние четырнадцать лет работает в «Сердце России». Видимо, похвальная усидчивость и привела к такому взлету карьеры. На четырех должностях сидела: консультант ипотечного отдела, заведующий там же, заместитель председателя правления, первый заместитель.

Следователи попросили Татьяну Васильевну сделать ксерокопии нужных бумаг, после чего ее отпустили и стали беседовать с Востриковым.

– С чего начать?

– Если можно, Богдан Кириллович, расскажите о том, чем занималась Тамара Афанасьевна последнее время.

– Тут последним временем, пожалуй, следует считать года полтора-два. Весь этот период Преснякова выполняла совершенно неподъемную работу. Без преувеличения это можно назвать событием, важнейшей стратегической вехой на пути дальнейшего упрочения банковского сектора России, революцией в области финансовой отчетности и оценки кредитных рисков, методов корпоративного управления кредитными организациями...

Востриков увлекся и не сразу заметил, что за этим пафосом и обилием специальных терминов сторонним людям трудно уловить суть дела. Лишь когда Александр Борисович, улучив момент, задал ему наводящий вопрос, председатель правления «Сердца России» попридержал коней: перестал петь осанну своей подчиненной. Все-таки перед ним сидят не специалисты, им нужно объяснять подходчивей, как студентам финансовой академии, да не просто студентам-первокурсникам.

– Попросту говоря, Тамара Афанасьевна провела в стране банковскую реформу, положительно отразившуюся на деятельности кредитных организаций. По ее инициативе состоялся переход деятельности российских банков на международные стандарты. Причем в этом переходе заслуга моей заместительницы, обладающей огромным организаторским талантом, пожалуй, даже больше, чем моя. Это была ее вотчина, она отвечала за проведение реформы, что хорошо известно всем специалистам. Возможно, именно поэтому пострадала она, а не я, хотя готовые директивные документы рассылались по стране за моей подписью как председателя правления.

– То есть вы считаете, теоретически даже полезная реформа может послужить причиной убийства? – уточнил Турецкий.

– С большой долей вероятности. Предстоящая чистка вселила в души банкиров страх: а что, если их привлекут к ответственности? Практически реформа болезненно затронула интересы всех без исключения банков, и в первую очередь таких, которые занимаются неблагоприятными, можно сказать, преступными делишками. Есть такие темные лошадки в нашей системе.

– А что для них изменилось на практике?

– Объясняю: раньше наши банки делали свои отчеты по сравнительно вольной форме. Она зависела от региональных, отраслевых и прочих особенностей, местного волонтаризма. Преснякова причесала их, в хорошем смысле слова, под одну гребенку – она заставила все банки страны перейти на составление финансовой отчетности в соответствии с МСФО: международными стандартами финансовой отчетности. При таком способе обнажаются всякие алогичности, накладки, нестыковки, цифры с потолка, то бишь махинации, которыми порой грешат банкиры страны. Преступлений же в этой сфере немало – от черной обналички до прямой фальсификации. Впрочем, неумышленных ошибок тоже встречается немало.

Следователи слушали «лекцию по распространению» с внимательным видом. Особенно усердствовал Курточкин, он так и ел рассказчика глазами. У Турецкого же иногда проскальзывал скушающий взгляд. Александр Борисович с молодости не переваривал всяческие экономические и тем более бухгалтерские выкладки. Как он сам говорил, на всякие «сальдо-бульдо» у него стойкая аллергия. Поэтому сейчас принуждал себя слушать – как ни крути, дело расследуется важное. Только мыслями иной раз уносился на молниеносно покинутую утром дачу и тогда клял судьбу-злодейку, заставлявшую иной раз заниматься предельно неинтересными дисциплинами именно в тот момент, когда перед глазами маячат более заманчивые соблазны.

Испугавшись, что председатель заметит его неприязнь к банковской тематике, Турецкий попросил его сформулировать вкратце принципиальное отличие старой финансовой отчетности от новой. Почувствовав неподдельный интерес слушателей к рассказу, Богдан Кириллович сел на своего конька и охотно принялся знакомить их со специфическими подробностями.

– Принципиальное отличие новой финансовой отчетности заключается в том, – с ораторским пылом начал Востриков, – что она составляется не методом совокупности четырех арифметических действий, в основном даже двух – сложения или вычитания аналогичных статей баланса. В ней применяются оценочные категории справедливой стоимости активов, пассивов, рисков и тому подобных вещей, а также профессиональные суждения специалистов касательно данных показателей, то есть используется оперативная экспертиза, что очень важно для корректировки повседневной деятельности.

Богдан Кириллович перевел дух, и Курточкин, воспользовавшись моментом, робко поинтересовался:

– А для чего это требуется?

– Неужели вы не понимаете?! – Брови на лице председателя вскинулись. – Ведь это позволяет напрямую осуществлять оценку рисков по мере их возникновения с адекватным отражением их возможных последствий в финансовой отчетности по международным стандартам. Таким образом, новые правила предъявляют более жесткие требования к оценке финансового положения кредитных организаций. Выполнение таких требований влияет на показатели финансового состояния большого количества кредитных организаций и позволяет наглядно выявить значительные отклонения в показателях их прибыли и капитала между российской отчетностью и отчетностью по МСФО. Например, прибыль банков по данным международной отчетности меньше, чем по российской, в среднем на двадцать процентов.

– Это все относится к государственным банкам или к коммерческим? – опять поинтересовался вездливый Курточкин.

– К любым. Помимо всего прочего, Тамара Афанасьевна готовила президенту страны докладную записку о необходимости запрещения деятельности иностранных банков в России, что должно сделать нашу банковскую систему стабильнее...

Турецкий со скрипом пропускал всю вышеизложенную информацию. Ему вообще часто приходилось выслушивать тьму– тьмущую ненужных сведений, которыми его обильно пичкали во время следствия всякие эксперты и свидетели, и он знал, что наступит момент и неожиданно произойдет какой-то щелчок, после чего лишнее забудется, казавшаяся до этого ничемной информация вдруг сложится во что-то понятное, компактное, с чем можно и нужно работать.

Так произошло в этот раз: когда председатель правления «Сердца России» принялся говорить о последствиях, как он выразился, революции госпожи Пресняковой, Александр Борисович почувствовал, что ему удалось ухватить за тоненький кончик суть столь таинственной для непосвященных проблемы. Она оказалась в том, что в связи с осуществленной революцией Преснякова отозвала, то есть отобрала, лицензии у ста с лишним банков, находящихся в разных городах.

– Ага! – вырвалось у Турецкого. – Это же для них катастрофа. А по каким причинам отобраны эти лицензии?

– Первопричина как раз кроется в составлении финансовой отчетности с грубыми нарушениями международных стандартов. А в каждом конкретном случае имеются свои основания. Чаще всего банки лишались лицензии из-за нарушения закона, официально именуемого «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Такие банки не направляли в установленном порядке в Федеральную службу по финансовому мониторингу сведения по операциям, подлежащим обязательному контролю. То есть нарушали порядок идентификации своих клиентов.

Александр Борисович с досадой почувствовал, что нить рассуждений собеседника опять начинает ускользать от него, и поинтересовался:

– Наверное, имелись и другие веские причины?

– Само собой. Например, Тамарой Афанасьевной были установлены факты существенной недостоверности отчетных данных. При новой форме отчетности это сравнительно легко определяется количественными критериями. Скажем, достаточность капитала банка ниже двух процентов или размер собственных средств банка ниже минимального значения уставного капитала, зафиксированного на дату государственной регистрации. Кроме того, выявлялись нарушения в сфере валютного обмена и потребительского кредитования.

– Скажите, пожалуйста, лишённые лицензии банки закрылись навсегда или временно?

– Официально их как бы временно законсервировали. После соответствующих исправлений они могут вновь открыться. Однако некоторые будут вынуждены признать себя банкротами.

– Короче говоря, привычная, монотонная деятельность всех их в любом случае нарушена? – продолжал допытываться следователь.

– Вне всякого сомнения. – При этих словах Богдан Кириллович так сильно кивнул, что едва не слетели очки. – Необходимо также упомянуть и ряд других нюансов. Скажем, сейчас Центральный банк готовится ввести закон о том, что банкам, не попавшим в систему страхования, запрещено работать с частными вкладами. Преснякова привлекалась как консультант при разработке этого жесткого закона. Тут тоже многие банки пострадают. Им, правда, разрешено дважды подавать апелляции. Однако если те не будут удовлетворены, тогда такие банки уже не смогут работать с депозитами физических лиц. Это тоже какой-никакой ущерб, да и сильно бьет по деловой репутации, что отразится на количестве вкладчиков и, следовательно, на рентабельности. Для вкладчиков любые банковские пертурбации всегда означают одно и то же: вчера были деньги, отложенные на покупку машины, красивый отпуск или спокойную старость, а сегодня их нет.

– Представляю, с какой нежностью и душевной теплотой относились в этих банках к Тамаре Афанасьевне.

На прощание Курточкин вернулся к практическим проблемам следствия:

– Сейчас важно, чтобы из кабинета погибшей не пропало ни единой вещи.

– Вам нужно посмотреть там какие-нибудь бумаги?

– Я даже затрудняюсь ответить. Тем более что без хозяйки там сложно что-либо отыскать.

– Это точно. Когда было нужно, я просил – она мне давала.

– Нам придется опечатать кабинет Пресняковой и предупредить ваших технарей, чтобы никто не залезал в ее компьютер. Однако это только на сегодня. Завтра утром придут наши сотрудники, все там осмотрят, перепишут содержание жесткого диска или заберут его. Если выявятся какие-нибудь улики, сообщат вам.

Позвонив, Богдан Кириллович вызвал охранника с ключами, после чего он и следователи подошли к кабинету Пресняковой. На дверях висела табличка с указанием ее должности и фамилии – на деревянной дощечке выпуклые металлические буквы.

– Тут вход в приемную, а из нее уже непосредственно в кабинет, – объяснил Востриков.

– Вот ту дверь и нужно будет опечатать, – сказал Александр Борисович. – Наружную не надо трогать. Секретарша должна находиться на своем месте.

Ведущая в кабинет дверь, обитая ветчинного цвета искусственной кожей, была не заперта. По просьбе следователей охранник закрыл ее на ключ, после чего Турецкий, отрезав ножницами полоску от первого попавшегося под руки листа бумаги, расписался на ней и приклеил скотчем к двери.

– Предупредите секретаршу, чтобы не только никого не пускала в кабинет, но и на всякий случай запомнила, у кого было желание под каким-нибудь предлогом туда проникнуть.

Глава 4

Портрет бывшего мужа

Разговор с Востриковым продолжался больше двух часов. Тем не менее Алексей Михайлович после этого с энтузиазмом вызвался съездить к бывшей жене Сурманинова. Турецкий понял, что у следователя большое желание закрепиться в его следственной бригаде, отчасти поэтому проявляет чрезмерную старательность. Однако в любом случае подобное рвение приятно.

Все же он для приличия попытался охладить пыл нового соратника:

– Притомились ведь, Алексей Михайлович. Может, на сегодня хватит. Вы же и спать не спали.

– Да я как Наполеон, – хохотнул Курточкин. – Мне много не нужно – четырех часов сна хватает... Если почувствую, что она не склонна разговаривать, настаивать не стану.

Он позвонил Лидии Сурманиновой и попросил разрешения заехать. Та вполне благосклонно отнеслась к предложению следователя. Возможно, за разговорами ей будет легче перенести тяжелое известие.

От метро Алексей Михайлович шел среди бессистемно разбросанных, уродливых хрущоб, в основном пятиэтажек. Долго петлял по нужному Студеному проезду, никто из прохожих не мог толком сказать ему, где находится третий корпус. Попад же наконец в стандартную двухкомнатную квартиру, будто очутился у себя дома – у него точно такая же двушка, с такой же планировкой. Вдобавок прихожая покрыта таким же рябым ковролином, и зеркало точно такое же, как у него, и светильник. В большой комнате похожая мебельная стенка и знакомый телевизор «Самсунг» – тоже стоит в дальнем углу слева от окна.

У брюнетки Лидии карие глаза и скуластое лицо, она слегка напоминает бурятку. Прямые, словно солома, волосы усиливают сходство. Сынишки дома не было.

– Пошел к приятелю смотреть домашний кинотеатр, – объяснила она.

– Про гибель отца ему сказали?

– Еще нет. Боязно. Наверное, утром скажу, да еще подумаю. Может, ближе к похоронам.

Курточкин в общих чертах обрисовал ситуацию. Сказал, что, скорее всего, состоялось покушение на руководительницу банка, Сурманинов же погиб, защищая свою подопечную (опять не удержался от банального штампа), – на боевом посту. Однако нельзя исключать и другой вариант, противоположный, – убили телохранителя, Преснякова же погибла как нежелательная свидетельница.

– Ничего не могу сказать по этому поводу, – вздохнула Лидия.

– Вы слышали от Максима Николаевича в последнее время, чтобы ему кто-нибудь угрожал.

– Такого не помню. Только про свои дела Макс всегда говорил без особой радости. Нелегко ему все давалось. Ну разве что первое время был доволен. Мы тогда жили под Москвой, в Лучинске. Был там такой «почтовый ящик», на котором Максим работал. Секретный завод. Правда, весь город знал, что там делают ракеты. Сейчас никакой секретности нет, но никто толком не знает, чем там занимаются. Появилось несколько разных производств, меняются собственники, меняется начальство, а толку шиш.

Лидия предложила следователю чаю или кофе, однако Курточкин отказался, хотя умирал, как хотел есть. У женщины погиб близкий человек, отец ее ребенка, а он будет тут чай распивать. В такой ситуации и от пива отказался бы.

– Вы и сейчас бываете в Лучинске?

– Конечно. Там живут мои мать и сестра. И вот первое время у Макса все было нормально. Работа как работа, приличный оклад, много друзей. А как пошла конверсия-перестройка, все полетело кувырком. Зарплату выдавали через пень-колоду, народ стал увольняться. Уходили кто куда – каждый искал, где бы побольше заработать. Сначала Макс пытался подрабатывать ремонтным бизнесом, потом кто-то надоумил организовать кооператив по производству наклеек для школьных ранцев. Он собрал документы, получил лицензию, закупил оборудование...

Алексей Михайлович посмотрел запись в трудовой книжке Сурманинова:

– Это, видимо, кооператив «Радуга»?

– Точно.

– Он один был хозяином?

– Нет, на пару с каким-то художником, Виталием. Я его и в глаза не видела, только слышала о нем.

– А откуда у них появился начальный капитал?

– Они у кого-то взяли кредит, потом расплачивались, что-то у родителей одолжили. Работал вроде нормально, кооператив расширялся. Тогда мы и переехали в Москву, купили квартиру. В Лучинске школ мало, плохо с реализацией. Все равно Макс часто приходилось в Москву ездить. В общем, деньги имелись. Макс даже своего заводского приятеля, инженера, переманил к себе. Тот хоть и кандидат технических наук, а получал на заводе с гулькин нос. Вот и перешел в «Радугу». А потом этот приятель, Стебельков, решил открыть свой бизнес – сеть платных общественных туалетов. Открыл один, за ним второй, третий. Деньги текут рекой, но и работы невпроворот, понадобились помощники. Теперь уже он в знак благодарности предложил Максиму теплое местечко.

– Ясно, – сказал Курточкин и, заглянув в трудовую книжку, обнаружил там запись про АОЗТ «Лазурь».

– Муж прикрыл свою наклеечную лавочку...

– В каком смысле – прикрыл? – перебил ее следователь.

– Продал по дешевке. Внес долю в стебельковский бизнес и стал вместе с ним заниматься туалетами. Только роли уже переменялись: раньше Макс был его начальником, а теперь стал подчиненным. Какое-то время работали душа в душу, но в один прекрасный день между ними пробежала черная кошка.

– Причина вам известна?

– Нет. У нас с ним тоже начались нелады, поэтому он в подробности не вдавался, да я и не расспрашивала. Помню только, Макс называл Стебелькова жлобом, мерзавцем и выжигой.

– После туалетного бизнеса муж сразу ушел в охрану?

– Какое-то время болтался без работы, – кажется, подрабатывал извозом. Потом кончил курсы охранников, устроился в магазин «Копейка», оттуда ушел в издательский холдинг, затем в банк. Вот до чего дошло. Когда-то Макс считал охранников самыми никчемными людьми, презирал их, говорил, что бо€льших дармоедов трудно представить.

– Где сейчас живет Стебельков?

– Тоже в Москве, только ни адреса, ни телефона я не знаю.

– А лучинский адрес знали?

– Да, мы часто бывали у него в гостях: праздники, дни рождения. Это на улице Гагарина. Знаю дом и квартиру, только номера не помню. Показать могу.

– Думаю, и так найдем. Как его зовут?

– Сергей. Отчества не знаю. Не обращались мы к нему по отчеству – это же приятель.

Глава 5

Финансы поют нюансы

В понедельник, передав Грязнову в общих чертах рассказ председателя правления банка «Сердце России», Александр Борисович признал, что в этом деле потребуются помощь специалистов и экспертов.

– Да, тут без поллитра не разберешься, – сделал Вячеслав Иванович такой же вывод, только выразив его в более афористичной форме.

– Давай съездим вместе в министерство, в Департамент экономической безопасности.

– Можно и в департамент. Когда?

– Ну я сейчас позвоню, договорюсь обо всем. Наверное, получится во второй половине дня.

– Ладно. Все-таки одиннадцать закрытых банков только в Москве. Каждый из них пышет ненавистью, готов прихлопнуть эту Преснякову. Одиннадцать подозреваемых человек проверить сложно, а тут банки. С ними мороки побольше.

– Личные связи погибших тоже нужно проверять. Преснякова – разведенка, женщина еще в соку, богатая. Сурманинов тоже развелся, тоже, надо полагать, не жил монахом. Молод он был.

– Тогда я сейчас посмотрю, кто у меня свободен, и нагружу их Пресняковой. Охранником уже Курточкин вплотную занимается, вчера уже с бывшей женой разговаривал.

– Ишь ты! Не поленился?

– Да, он такой молодец. Потащился в Медведково на ночь глядя. Выяснилось, раньше у Сурманинова был приличный бизнес, а потом что-то произошло с совладельцем. Не исключено, напарник его кинул. Иначе чего ради коммерсант уйдет в охранники. Тем более что раньше сам с презрением относился к такой профессии.

– Да? Что это он?

– Считал, холуйское занятие.

– Конечно, холуйское. Поэтому у нас их и много.

После ухода Грязнова Александр Борисович позвонил в МВД и договорился с первым заместителем министра о коротенькой аудиенции: мол, позарез требуется помощь специалиста в финансовой сфере. Генерал-полковник сказал, что сможет принять следователей в интервале с половины пятого до пяти.

Пройдя по кабинетам, Турецкий узнал, что Светлана Перова и Яковлев находятся на задании. Решил позвонить в Департамент угро. На месте застал Галину Романову и Володю Поремского. Вызвал их к себе. В принципе хотелось привлечь к следствию фантастически везучего Яковлева. Однако тот сейчас заканчивал расследование сложного дела «оборотней в погонах», которые в тесном сотрудничестве с узбекскими коллегами шантажировали азиатских торговцев, занимаясь вымогательством. Содрали с тех деньги за целый контейнер электрических утюгов. Поэтому Володе сейчас приходилось регулярно мотаться в Ташкент, придется обойтись без него.

Вчера вечером Турецкий уже разговаривал по поводу этого двойного убийства с Галиной, ввел ее в курс дела. Поремскому же, несмотря на титанические усилия, дозвониться не сумел ни по домашнему телефону, ни по мобильному.

– Где тебя вчера весь вечер черти носили? – с напускной строгостью спросил у него Александр Борисович.

– Дома, – со злостью ответил тот. – Дома безвылазно сидел. У нас начался ремонт, причем не во всей квартире, а только в прихожей. Мастера стали убирать телефонный провод под

плинтус – порвали его в десяти местах. Кошмар! Вы же знаете эти идиотские провода – тонюсенькие, ломкие, место разрыва найти невозможно. Семь потов сошло, пока связь восстановили.

– Ну а мобильный почему был отключен?

– Я так нервничал с обычным, что про мобильный начисто из головы вылетело. Его надо было подзарядить, а я забыл.

– Ладно, не заводись, – сказал Александр Борисович, видя, что Поремский вновь готов сорваться из-за вчерашней неурядицы. – Обошлось ведь, бывает и хуже. Бывает, у людей вообще телефона нет.

Он вкратце рассказал своим оперативникам о двойном убийстве, которое им придется расследовать.

– С нами будет работать Курточкин из городской прокуратуры, который первый приехал на место преступления. Он занимается охранником. Уже был у его бывшей жены, сегодня разыскивает бывшего компаньона, с которым они вдрызг рассорились. Вам же нужно разузнать про личную жизнь Пресняковой: допросить сотрудников, знакомых, друзей, соседей. Короче говоря, спрашивать до тех пор, пока не получится ясной картины. В первую очередь нужно разузнать про сына – где он сейчас находится, сообщить ему о гибели матери.

– Обыск в ее квартире делать?

– погоди, Володя. Сперва хорошенько пошарьте на рабочем месте. Там ведь тоже наверняка есть какая-нибудь записная книжка. Нужно проверить людей оттуда. Сотрудники подскажут, на кого обратить внимание в первую очередь. Кстати, мы ее кабинет опечатали. Сорвите пломбу, потом опять опечатайте.

– Я думал, может, у нее дома телефон с определителем, проверить звоночки.

– Может, сын объявится, тогда пустит нас. Сегодня нам в квартире делать нечего. Полно других дел. Грязнов и я поедem к пяти в министерство. Займемcя там финансовой стороной дела. Только в Москве Преснякова прикрыла одиннадцать банков, тоже придется проверять каждого обиженного...

В приемную первого заместителя министра внутренних дел следователи вошли с точностью английских лордов – ровно в шестнадцать тридцать. Генерал-полковник сразу принял их, выслушал, после чего передал директору Департамента экономической безопасности Самойленко. Виктор Алексеевич зашел за следователями и провел их в находящийся на том же этаже кабинет.

Моложавый на вид Самойленко был безупречно выбрит и подстрижен, благоухал дорогим одеколоном. О том, что с легкой руки «Сердца России» всю банковскую систему страны лихорадит, он, разумеется, знал. Про гибель же Пресняковой впервые услышал от следователей.

– Насыпала она им соли на хвост, – сказал Виктор Алексеевич. – Шутка ли – лишить лицензии. И все же – убийство! – Он с сомнением покачал головой. – Вроде бы раньше банкиры не шли на откровенную уголовщину. Они люди другой ментальности. Тем более большинство из них лицензии восстановит.

– Каким образом?

– Исправят ошибки, возвратят кредитные деньги, компенсируют потери. Однако, разумеется, те банки, которые понесли самые крупные потери, близки к отчаянию. Тут уже придется проверять каждого по отдельности. Мы прикрепим к вам специального человека, пусть потрудится с вами в одной упряжке. – Он нажал на кнопку селектора и, услышав женский голос, спросил: – Троекуров на месте?

– Да, Виктор Алексеевич.

– Попросите зайти ко мне. Это наш старший оперуполномоченный, – объяснил он следователям, – опытный специалист в финансовой сфере. Такой способный – на ходу подметки режет.

Через несколько минут в кабинете появился майор Троекуров – черноволосый, похожий на цыгана человек лет сорока. Когда все присутствующие перезнакомились, хозяин кабинета обратился к нему:

– В субботу вечером произошел трагический случай...

– Если вы про Преснякову, товарищ генерал-лейтенант, то я в курсе.

– Не может быть! Вот какие у меня подчиненные – все узнают раньше меня.

– Так ведь не на облаке живем, тесными узами связаны с народом, – улыбнулся майор. –

Утром я разговаривал с одним банком, от них и узнал.

– Какой банк сказал вам об этом? – спросил Грязнов.

– «Русский стандарт».

– Они-то откуда узнали про убийство?

– Чего не знаю, того не знаю.

Самойленко спросил следователя:

– А вы что, предупреждали Вострикова или его кадровичку, чтобы они про это помалкивали?

– Нет.

– Тогда чему тут удивляться. Все же связаны между собой и проводочным, и беспроводным телеграфом. Конечно, молва о таком происшествии мигом разнеслась среди своих.

Турецкий обратился к милиционерам:

– В рамках этого дела необходимо провести финансовую экспертизу.

– Вот майор вам и поможет. И сам, и других экспертов найдет. Даниил Андреевич, командуя вас на время расследования в следственную бригаду.

От директора департамента следователи перешли в кабинет Троекурова, где Александр Борисович в очередной раз объяснил, что удалось им узнать в «Сердце России» о последней работе Пресняковой. Собеседник попался понятливый, все схватывал с полуслова, и ничего удивительного в этом не было – экономист по первому образованию, он сразу представил весь объем предстоящей работы.

– Оптимальный вариант, если все соответствующие документы, которые имелись в банке у Пресняковой, проштудирует Поликарпов со своими людьми.

– Прекрасно! – одобрил Александр Борисович. – Я хорошо его знаю.

Эксперт Владислав Александрович Поликарпов – доктор экономических наук, видный специалист в области финансирования и бухгалтерского учета. Действительно, несколько раз получалось так, что группе Турецкого приходилось обращаться к этому неподкупному финансисту за помощью. Заключение экспертиз, проведенных Владиславом Александровичем, всегда были точны, объективны и безукоризненно корректны. Его педантичность в работе не могла не подкупать окружающих. Ко всему прочему, у него был легкий, незлобивый характер, что тоже привлекало к нему людей. Турецкий даже бывал у Владислава Александровича в гостях – один раз в Москве и несколько раз в его подмосковном загородном доме, где тот проводил львиную часть года. Научный сотрудник Поликарпов выходец из крестьянской семьи. Он утверждал, что под старость в нем проснулись гены крестьянских предков – к земле потянуло. Поэтому у себя в деревне он выращивал картофель и помидоры, ягоды и фрукты, разводил цветы и держал пчел. Своих гостей он в любое время года осыпал дарами. Один раз супруги Турецкие уехали от него с такой тыквой, которая едва поместилась в багажнике их «Жигулей».

– Сам я, – продолжал Троекуров, – займусь одиннадцатью обиженными банками. Проверяю, кто на какие суммы погорел.

– Очень верно. Тут ведь прямо пропорциональная зависимость: чем больше убытки, тем сильнее жажда мщения, – поддержал майора Вячеслав Иванович.

– Одиннадцать – это только в Москве. Однако нужно помнить, что по стране сотня, – напомнил Турецкий, – и мобильность преступников находится на должном уровне.

– Да, только, мне кажется, на первом этапе нужно прошерстить московские, и не только потому, что они ближе. В других городах банки больше на виду. И всякая паника, всякая подготовка к выезду в столицу гораздо заметней. Поэтому иногородним труднее организовать покушение в столице.

– Это точно, – подтвердил Грязнов. – Провинциалам тут ориентироваться сложнее. Только на моем веку было несколько случаев, когда, приехав с конкретным заданием в Москву, киллеры убивали по ошибке кого-нибудь другого.

Турецкий сказал:

– Все логично, начинать нужно с москвичей. Я просто хотел подчеркнуть, что иногородних тоже нужно держать в уме. Другими словами, у нас не одиннадцать подозреваемых, а гораздо больше.

– Я только одного не понимаю, – размышлял вслух Вячеслав Иванович. – Предположим, мы обнаружили банк, который потерял при своем банкротстве наибольшее количество денег. Однако это же еще не доказательство причастности к преступлению. Потом ведь нужно будет искать подозрительных людей.

– Слава, ты же ломишься в открытую дверь! В этом-то и заключается сложность. Обязательно будет задействовано много следователей. А что остается делать, если нет свидетелей!

– Да нет, я ничего, я просто так.

Послушав их пикировку, Троекуров сказал:

– Мне кажется, в банках я в первую очередь должен обращать внимание на подозрительные нюансы.

– Вот! – хором воскликнули следователи.

Глава 6

Далекий сын

Романова и Поремский вошли в отделанный мрамором вестибюль банка. Подле ближайшей колонны заметили покрытый красным бархатом столик, на нем черно-белая фотография женщины. Над столиком висел лист ватмана с сообщением о трагической гибели первого заместителя председателя правления «Сердца России» Тамары Афанасьевны Пресняковой.

На другой колонне, симметричной с этой, висело такое же сообщение про Сурманинова. Все было сделано интеллигентно, без подчеркивания разницы статусов погибших: фотографии одинакового размера, на столике одинаковые вазы с цветами – красными и белыми гвоздиками.

Сыщики пешком поднялись на второй этаж. У Вострикова проходило совещание. Он предупреждал об этом, когда ему звонили из главка, и тогда же сказал, что следователи могут приходить в любое время, ради них он прервется. Когда Богдан Кириллович вышел по сигналу секретарши в приемную, Поремский в двух словах объяснил, что им сегодня требуется.

– Очевидно, вам целесообразно поговорить с Ларисой Ивановной Колчинской, заведующей ипотечным отделом, – сразу сказал председатель правления. – Она тоже достаточно давно у нас работает, кажется, Преснякова дружила с ней.

Секретарша позвонила Ларисе Ивановне, передала трубку Вострикову, и тот попросил заведующую оказать следователям, которые сейчас подойдут, максимальное содействие.

Колчинская – изящная женщина среднего возраста. Короткая стрижка, очень идущие ей очки в модной тонкой оправе.

– Нам посоветовали обратиться к вам, поскольку вы дружили с погибшей Пресняковой. Свидетелей этого зверского преступления нет, поэтому вынуждены собирать косвенные показания, хотим установить ее контакты.

– Как страшно слышать это слово – погибшая. – Лариса Ивановна даже поежилась, произнесла его. – Да, мы действительно более или менее дружили. Хотя это была не столь давняя дружба, которая бывает, когда люди знакомы с детства или с юности. Я пришла работать сюда семь лет назад, и Тамара стала моей непосредственной начальницей. Она-то работала в этом банке со дня основания, с девяносто первого года. У нее имелись здесь другие подруги, однако это все, так сказать, служебная дружба. Мы с ней почти ровесницы, я чуть моложе. Ходили вместе обедать, иногда после работы вместе прошвырнемся по магазинам, тряпки посмотрим. Изредка заглянем в кафе, очень редко ходили в театр или на концерт. Однако дома, как ни странно, друг у друга не были. Она свои дни рождения не отмечала, разве что на работе устраивала легкий междусобойчик, у нас тут, как и в большинстве организаций, так принято. Купит вина, торт, фрукты, она июльская. Я же родилась в середине августа, она обычно в это время в отпуске и из Москвы уезжала. Ну а на день рождения своего мужа я ее даже не приглашала. У него собирался другой круг, он у меня турист-альпинист, там свои дела, им бы только песни под гитару горланить.

– Куда обычно она уезжала летом?

– На море. Выбирала разные места, только обязательно на берегу моря. Она обожала плавать и загорать. И каждый год старалась посетить новое место. Благо сейчас появилась такая возможность. Тамара Афанасьевна была и в Италии, и в Греции, и на Кипре, и в Турции. И все потом мне подробно рассказывала.

– С кем она ездила в отпуск?

– До развода с мужем, потом с сыном, на Кипре отдыхала с Людмилой Скворцовой, есть у нее институтская приятельница. Бывало, путешествовала и одна. Вот как-то она ездила на экскурсию в Бенилюкс. Купила путевку и поехала с группой, жила в одноместном номере.

– Кроме вас с кем она дружила в «Сердце России»? – спросил Поремский.

– Даже затрудняюсь ответить, – пожала плечами Лариса Ивановна. – Понимаете, она здесь работала давно, постепенно делая карьеру, в хорошем смысле этого слова. Тамара никого не подсиживала, не плела дьявольских интриг. Она просто хорошо выполняла свою работу, начальство видело это и повышало ее. Она врожденный финансист, у нее настоящий талант. Да, так вот, на разных этапах работы в банке у нее были разные близкие знакомые. Когда Тамара переходила в другой отдел, на другую должность, прежние отношения оставались, только общения становилось меньше. Так и со мной: она стала заместительницей председателя, мы автоматически стали реже общаться. Я более или менее могу использовать обеденный перерыв, у нее же сплошь и рядом совещания, встречи. То же и после работы – она, как правило, сидела здесь допоздна.

– Но все же что-то про свою личную жизнь она вам рассказывала?

– Да, достаточно много, только выборочно. Про сына – да, про родственников – охотно. Про институтских друзей почему-то меньше. А про любовников вообще говорила скупой. Ну появился какой-то знакомый, ну куда-то вместе ходили, ездили к кому-то на дачу. Однако без излишних подробностей.

– А жаль! – сокрушенно сказал Поремский. – Глядишь, и пригодилось бы.

– Да мне тоже было любопытно, – кокетливо произнесла Лариса Ивановна. – Но не спрашивала. Хотя так и подмывало узнать. В общем и целом, с мужчинами у нее случался облом. Такими словами она завершала все истории.

– Про своего сына она, конечно, больше всего рассказывала? – спросила Романова.

– Да, про сына говорила охотно. Про его увлечения, учебу, работу, всякие курьезы, случавшиеся с Димой.

– Нам ведь до сих пор не удалось связаться с ним.

– Саврасов, наверное, на Кипре. У него там собственная фирма, и он теперь в России редко бывает.

– Мать погибла, нужно сообщить.

– Может, Тамарин брат знает его телефон, – предположила Колчинская.

– У нее есть брат? Родной?

– Да, старший брат. Живет в Москве, где-то на юго-западе. Он военный в отставке.

– С охранником Сурманиновым ее связывали только служебные отношения?

– Думаю, да. Во всяком случае, мне трудно представить что-либо иное.

– А я сталкивалась с такими ситуациями, – заметила Романова. – Как секретарши становятся любовницами начальника, так и некоторые женщины приближали к себе телохранителей.

– Мне мысль про их близость даже в голову не приходила. Слишком уж разные они люди по всем параметрам.

– Наверное, – сказал Поремский, – нам нужно просмотреть записные книжки Пресняковой. Может, и брат еще не знает о ее гибели. В сумке записной книжки не было, в квартиру мы пока не ходили.

– Ключи-то у нее при себе были?

– Ключи есть, только мы все равно не ходили, надеялись, сын объявится. Если что, так квартиру обыщем. Только сперва хотелось бы посмотреть рабочее место. Пресняковой, наверное, часто приходилось записывать чьи-то телефоны. Не станет солидный работник писать на клочках бумажки, которые через минуту потеряются.

– Да, теперь почти у каждого на столе имеется ежедневник.

– Тогда проводите, пожалуйста, нас в ее кабинет? Наш руководитель вчера его опечатал, но мы войдем.

Пресняковская секретарша Людмила не находила себе места – шефины больше нет, кабинет ее закрыт, делать нечего, телефон надрывается. Сначала звонки появлялись с обычной для

рабочего дня регулярностью, а теперь участились – неужели? правда ли? не верю своим ушам! надо же случиться такому горю! Приходилось подтверждать и выслушивать соболезнования, отчего настроение с каждой минутой ухудшалось. Благо Колчинская из ипотеки привела двоих следователей – можно хоть на какое-то время отвлечься.

Эlegantный мужчина с рыжеватыми выющимися волосами и тонкими усиками, протянув ей раскрытое удостоверение, сказал:

– Предъявляю для порядка. Положено.

Людмила его даже смотреть не стала.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросила.

– Мы хотим осмотреть кабинет погибшей. Если что-либо понадобится взять, примите от нас расписку. В первую очередь нам требуется узнать телефоны сына и брата Тамары Афанасьевны. Может, они у вас записаны?

– Нет. Она сама им звонила. Только один раз у Дмитрия было долго занято, тогда Тамара Афанасьевна попросила меня набирать его номер. Я его записала, а потом выбросила.

– Давно это было?

– Очень давно.

– Придется поискать в кабинете. Вы, пожалуйста, пройдите с нами.

Поремский оторвал от косяка бумажку со скотчем, и все вошли в кабинет. На столе сразу нашли телефонную книгу Пресняковой. Под нее она приспособила толстенькую книжицу, на обложке которой значилось «Моя библиотека». Страницы были разлинованы соответствующим образом – автор, название, год издания, на все колонки владелица не обращала внимания, записывала здесь телефоны. Судя по всему, это происходило годами: страницы истрепались, многие записи делались вкривь и вкось – очевидно, наспех, то ручками, то карандашами. Чрезмерную толщину книжечке придавали визитные карточки, в изобилии рассованные между страницами.

Записи в алфавите делались по первой букве фамилии знакомых. На «с» Дмитрия Саврасова не было, телефоны сына оказались записаны по-свойски – на «д». Несколько номеров были зачеркнуты, оставался один – из одиннадцати цифр, значит, мобильный. Телефона брата не обнаружили, наверняка Тамара Афанасьевна помнила его наизусть.

– Какая разница во времени с Кипром?

– Два часа, – сказала Романова.

– Наверное, проснулся. Галь, звони ты. Тяжелое известие, пусть услышит женский голос.

Все попытки связаться с Дмитрием оказались безуспешными, после каждого набора следовал записанный на магнитофон ответ на греческом и английском языках. Не нужно их знать, чтобы понять стереотипное: аппарат выключен или находится вне зоны действия сети.

Так за весь день до него и не дозвонились.

Глава 7

«Фирма – это я!»

В воскресенье утром генеральный директор фирмы «Димитриус ЛТД» Дмитрий Саврасов проснулся с невероятной головной болью. Сроду так не болела башка, как сегодня.

Нельзя сказать, чтобы Дмитрий грешил беспробудным пьянством. Скорее такая реакция случилась от недостаточной тренированности молодого организма. Обычно он выпивал умеренно и к тому же прекрасно знаком с алкогольной теорией – знал, что нельзя мешать на понижение градусов. После вина или пива перейти на крепкие напитки – это еще полбеды. Однако после водки или коньяка пить вино не годится, от подобной мешанины всегда потом болит голова. У него же вчера получились буквально скачки с препятствиями. Начали с водки, затем перешли на местное розовое вино, хлестали его чуть ли не кружками. Набуздыкались так, что, казалось, больше ничего не влезет. Ан нет, влезло – дружно налегли на коньяк, потом были какие-то коктейли. И вот наутро достигнут легко прогнозируемый результат.

Правда, насчет утра еще уточнить нужно. Дмитрий с невероятным усилием приоткрыл один глаз и взглянул на палас: пробившая жалюзи сбоку солнечная полоса уже добралась до правой ножки журнального столика. М-да, пожалуй, уже больше одиннадцати, ранью не назовешь. Хорошо все-таки, что вся его фирма состоит из одного человека. Имей он в штате секретаршу или бухгалтера (предлагали взять, да он отказался), позора не оберешься. Полежать спокойно не дали бы, уже несли бы на подпись бумаги, тащили факсограммы. А так лежи себе на здоровье сколько влезет, хоть до посинения.

Это был один из тех редких моментов, когда Дмитрию безоговорочно нравилось его положение. В основном на этом благословенном острове он страшно скучал, особенно сейчас, когда Рита вернулась в Германию. Во-первых, в Фамагусте у него нет постоянной компании, во-вторых, его мало привлекали пляжи. В свое время в Москве, будучи студентом, он серьезно занимался плаванием, не вылезал из бассейна и, видимо, настолько перекупался, что сейчас вода вызывала у него отвращение, даже в море не тянуло. Загар пристаёт к нему плохо, долго находиться на солнце вредно. Ну и что ему остается делать в этом раю для туристов?

То ли дело было в Штатах, куда маманя пристроила его после финансовой академии на стажировку! После стажировки в ООН он еще некоторое время работал там в одной российско-американской конторе, денег – куры не клюют. Знакомых много, постоянно появляются новые, есть куда пойти вечерами и в выходные. Но конечно, там он всего лишь клерк, мелкая сошка, винтик. Поэтому когда Люда Скворцовская, опять же с подачи мамани, сделала Дмитрия генеральным директором офшорной фирмы на Кипре, его распирало от гордости. Еще бы! Генеральный – это вам не хухры-мухры. Это звучит. Имеет ли еще кто-нибудь из его соучеников по академии собственную фирму? Вряд ли. А он имеет, хотя был самым младшим на курсе, поскольку вместо школы кончал дневной экстернат, где за год проходят два класса.

Однако довольно быстро от кипрской эйфории и следов не осталось. Оказывается, ты ведь не только генеральный председатель. Вдобавок ты и вся его паства: и заместитель, и референт, и бухгалтер, и секретарь. В конце концов, ты даже охранник, потому что твоя резиденция находится в твоей квартире, по соседству со спальней и гостиной, где можно принимать деловых партнеров. Третья комната – это и есть офис его фирмы. Там стоит компьютер, факс, стеллажи с бумагами.

Сказать, что фирму «Димитриус ЛТД» часто посещали деловые партнеры, – значит сильно погрешить против истины. Если и попадали сюда бизнесмены, то чаще всего по недоразумению. Узнавали, что к чему, после чего вежливо раскланивались и больше здесь не появлялись. Если у многоуважаемого господина Саврасова имеется строго ограниченный круг

функций, если он не намерен его расширять, не собирается торговать вином, фруктами и керамическими изделиями, придется иметь дело с другими партнерами, хотя подобная тактика может показаться весьма странной.

Поскольку Кипр поистине край неограниченных афер, многие соотечественники Дмитрия имеют фирмы на этом острове, в том числе и в портовой Фамагусте. У каждой свой профиль, поэтому тесного общения между владельцами нет. Чаше приходится сталкиваться с приезжающими сюда туристами. Бывало, услышишь русскую речь, разговоришься, предложишь показать на острове какие-либо интересные места, куда не водят экскурсий. Вот и накануне Саврасов неожиданно столкнулся с такой симпатичной компанией.

Из дома он вышел, когда спал полдневный жар. Холодильник уже опустел, требовалось прикупить кое-каких продуктов. Есть у него излюбленный супермаркет на набережной. Шел по улице, вдруг услышал, как за спиной зашпорил какая-то компания молодых людей: «А я говорю, что нужно свернуть направо, иначе опять пойдем по кругу». – «Нет, мы сворачивали в другом месте. Здесь мы вообще не проходили». – «Проходили. Я запомнил этот ресторан с верандой». – «Они все похожи».

Оглянувшись, Дмитрий увидел небольшую компанию: двоих юношей и трех девушек. Одна из них сразу бросилась в глаза – в белой панамке, голубых шортиках, оранжевом топике с тонкими бретельками.

– Вы что-то разыскиваете? Может, я вам помогу, – предложил он.

– Ой, вы говорите по-русски! – обрадовалась белая панамка. – Мы никак не можем найти гостиницу «Ионис».

– Есть такая, – сказал Дмитрий. – Я знаю, где она. Только объяснить, как к ней пройти, невозможно – так сильно нужно петлять. Если вы не против, могу проводить.

– Неудобно отвлекать вас.

– А я, можно сказать, просто совершаю променады. Болтаюсь без всякой цели. Так что с удовольствием пройду вместе с вами.

По пути разговорились. Дмитрий в двух словах рассказал о своей фирме. Молодые люди оказались москвичами, прилетели только вчера, пробудут здесь неделю, до следующей субботы.

– Не-е, орлы, я так не могу, – пробасил вдруг один из парней. – Дмитрий отнесся к нам по-человечески. Так и мы тоже должны к нему по-человечески.

– Что ты имеешь в виду? – спросила самая высокая девушка.

– А то и имею, что нельзя нарушать обычаи предков. Не нами они выдуманы, не нам их и нарушать, – ответил парень.

С этими словами он извлек из своего рюкзака бутылку «Гжелки» и набор пластмассовых стаканчиков. Компания проходила мимо домика с живой изгородью, возле которого стояла простенькая деревянная скамейка. Парень, представившийся как Валера, разлил водку по трем стаканам, девушки пить отказались. Дмитрий тоже хотел отбояться: мол, и без того жара несусветная, однако оба парня настаивали, да и белая панамка с интересом следила за тем, чем кончится их легкое препирательство. Еще подумает, чего доброго, что я не мужчина. «Давай, давай, давай, – поторапливал Валера. – Надо поскорей с этой водкой разделаться. А то люди пойдут, решат, что русские туристы среди бела дня пьянствуют».

Чокнувшись с парнями и сделав приветственный жест девушкам, Дмитрий залпом осушил свой стаканчик. И ничего страшного – жарко не стало, а вот настроение очень даже улучшилось, к тому же белая панамка, ее звали Жанна, взяла его под руку, объяснив: «А то я могу споткнуться об эти плиты».

Пройдя один квартал, девушки подняли бунт.

– Это что же получается! – говорила толстушка Настя, обращаясь к мужской половине компании. – Вы тут всю веселитесь, водку пьянствуете. А бедные девушки, можно подумать, не отдыхать приехали. Мы хотим вина!

Они уселись на веранде первого попавшегося ресторанчика и заказали два кувшина местного розового вина. Потом Валера и второй парень, Костя, захотели попробовать местный коньяк...

Дмитрий вдруг с удивлением обнаружил, что спал он не раздеваясь – в рубашке и бермудах, спасибо хоть сандалии скинул. Какая-то часть вчерашнего вечера начисто выпала из памяти. Как он проводил москвичей до гостиницы, как сам добирался до дома – ничего этого не помнил. Все-таки, кажется, не он их проводил, а они его довели до дома. Причем, кажется, Жанна. Но почему тогда она не осталась? Неужели вернулась потом одна? Могла заблудиться. Наверное, ей было противно иметь дело с таким пьяным. Он ведь вчера лыка не вязал.

Да, но как же он спал в бермудах и ему не мешал лежащий в кармане мобильник. Дмитрий запустил руку в карман – аппарата не было. Приподняв голову, обозрел близлежащие поверхности – телефона нет как нет. Неужели украли? Интересно, а деньги? Деньги тоже свистнули?

Саврасов выудил из заднего кармана бермудов кожаный бумажник. Какой-то части наличности не было. Тут вспомнилось, что в одном из ресторанов он расплачивался, это точно. В том, где возле входа росли лимонные деревья. Жанне захотелось сорвать свежий лимон, только она не смогла до него дотянуться. Тогда Дмитрий совершил рыцарский жест и сорвал лимон, однако не удержался на ногах и, падая, задел столик, сбив при этом графин и тарелку. Естественно, те вдребезги. Чтобы не уходить, позорно расплачиваясь за разбитую посуду, Дмитрий пригласил всех за стол, заказал какие-то коктейли, сказав официанту, чтобы посуду включили в счет. Да-да, расплачивался сам. Все пластиковые карточки на месте. Их у него десять, в каждой прорези бумажника по одной, все на месте. Значит, его не обокрали, а мобильник, скорее всего, он просто выронил. Кажется, вчера даже не успел позвонить в Германию Маргарите, та, наверное, волнуется.

Сейчас можно было бы пройти по местам боевой славы, вдруг аппарат найдется. Да вот незадача – у него из головы начисто вылетел вчерашний маршрут. Где его черти носили! Что-то помнит, хотя бы тот же ресторан с лимонами. Кажется, в нем был их последний привал, но ведь оттуда до дома можно добраться десятком путей, к тому же телефон он мог потерять еще раньше.

Интересно, как теперь разыскать эту Жанну? Симпатичная девушка. Не вульгарная, что ему очень нравится, не злоупотребляет косметикой, стильная стрижка. Однако в глазах бесенята так и прыгают, чувствуется, темпераментная девчонка, жаль, вчера дело не выгорело. Так ведь сам виноват. Пьянство – это большое зло.

Дмитрий еще раз пошарил по карманам. Может, она оставила какую-нибудь записку. Нет, ничего подобного. Придется зайти в гостиницу «Ионис», не сегодня, конечно. А может, и сама явится. Она же его провожала, наверное, помнит квартиру. Правда, скорее всего, после вчерашнего он ей противен. Хорош фирмач, скажет, назюзюкался как сапожник, лыка не вязал.

Что же ему теперь делать – встать или поваляться в постели? Без долгих проволочек Дмитрий решил, что целесообразнее еще полежать. Вставать неохота, нет сил добраться до ванной, чтобы принять душ. Поэтому нужно остаться в горизонтальном положении и терпеливо дожидаться того момента, когда можно будет встать и выйти из дома. А для этого сперва необходимо привести себя в божеский вид, морда-то небось мятая. То есть нужно все-таки подняться, принять прохладный душ, побриться, без омерзения взглянуть на свое отражение в зеркале – и лишь после этих процедур можно выйти на улицу. Потом дойти до первой забегаловки, дербулызнуть холодного пива. Однако такое счастье маячит где-то на горизонте, далеко-далеко. Пока же задача номер один – как следует отлежаться. Хорошо, что сегодня воскресенье, мать не позвонит. Она звонит только из банка. Зачем тратить свои деньги, когда можно

казенные. Вот Маргарита из Регенсбурга сегодня позвонить может, они же вчера не разговаривали. Значит, придется покупать новый мобильник. Сплошные расходы. Потом всем сообщать свой новый номер, это такая морока. У него регулярные разговоры то с Москвой, то с Нью-Йорком...

Вот до чего доводит проклятое пьянство. Сегодня выпьет пива – и больше в рот ни капли! Решено.

Глава 8

Служили два товарища

Поздно вечером Алексей Михайлович дозвонился до родителей Сурманинова. Их имена-отчества были указаны в анкете, поэтому, услышав в ответ женский голос, следователь попросил к телефону Николая Максимовича. О гибели сына лучше сообщить отцу, чем матери. Все-таки мужская психика повыносливей женской. Однако ненамного – чувствовалось, как после сообщения Курточкина собеседника охватила слабость. Правда, он тут же попытался взять себя в руки, выяснил, где находится морг, сказал, что они с женой незамедлительно поедут туда.

Обстоятельный разговор с родителями Курточкин в любом случае отложил на потом – побеседует после похорон. Да и вряд ли они знают что-нибудь про рабочие дела сына. Не такое уж благополучное было у охранника положение, чтобы слишком откровенничать с матерью и отцом. Скорее нужно позондировать почву вокруг компаньона. Если у них был совместный бизнес, затем пошли обиды и упреки, то кто знает, до каких масштабов они могли разрастись.

Алексей Михайловичу с первых шагов понравилась манера работы Турецкого. Вот бы перейти к нему на работу. Для этого, конечно, стоит постараться разработать сурманиновскую версию предельно тщательно. Пока же он у Александра Борисовича, можно считать, на испытании. Ведь ему поручили второстепенную линию. Скорей всего, основным субъектом покушения была банкирша. Если же окажется дело в Сурманинове, тогда работа следственной группы благодаря ему, Курточкину, быстро завершится. Однако на такое везение рассчитывать трудно. От отрицательного результата польза будет лишь одна – остальным не придется отвлекаться на побочные линии, можно сконцентрировать все усилия на главном направлении.

Алексей Михайлович решил подъехать в Лучинск. Не мешает узнать характеры этих двоих людей, Сурманинова и Стебелькова, бывших приятелей, компаньонов, затем рассорившихся. Интересно, как далеко зашла их вражда.

В паспортном столе городского отдела милиции Курточкину быстро нашли их прежние домашние адреса, объяснили, как добраться до завода, на котором оба работали.

– Если у них был кооператив, – подсказал начальник, – зайдите потом в городскую администрацию, в отдел по потребительскому рынку и лицензированию. Может, там о них более свежие сведения.

Завод уже стал не тот, что был лет десять назад, когда на нем работали Сурманинов и Стебельков. Другой директор, другое все руководство. За это время происходило столько внутренних реорганизаций, что невозможно было сказать, где именно трудились бывшие приятели. Директор искренне хотел помочь следователю. Вместо того чтобы отфутболить его к своим заместителям, он сам одних людей вызывал, другим звонил – и в конце концов обнаружил человека, который почти год проработал бок о бок с друзьями.

– Только я один такой дурачок остался, – весело предупредил Павел Олегович, знакомясь с Курточкиным. – Все давным-давно отсюда смотались.

Узнав о гибели Сурманинова, он повздыхал, участливо покачал головой. Низенький, тщедушный человек с зычным голосом, Павел Олегович Ульяновцев хорошо помнил своих младших коллег. Ничего предосудительного сказать про них не мог. Сурманинов принадлежит к породе тех, которые медленно запрягают, да быстро едут. Тугодум, однако человек далеко не глупый. У Стебелькова более шустрый ум, к тому же у него высшее образование и научная степень, кандидат технических наук. Поэтому в их паре, разумеется, он был ведущим, а Максим ведомым.

– Однако, кажется, именно Сурманинов организовал первый кооператив, куда потом перешел Стебельков.

– Как ни странно, да. Только стороннему наблюдателю все равно было ясно, что в таком тандеме Сергей постепенно выйдет на первые роли. Он по натуре лидер. Максим же не тот человек, чтобы руководить, координировать действия других. У него может появиться оригинальная идея, однако разрабатывать ее, кропотливо выращивать из крошечного ростка дерево – это не по его части.

– Ну а характер мстительный?

– Пожалуй, да, – подумав, ответил Ульянов. – Только что с того. Не он же кого-то убил, его убили.

– А Стебельков человек мстительный?

– Вот этот – нет. Да и кому ему мстить, по гамбургскому счету? Сергей – талант, каких мало, к тому же вожак, у него все легко получалось, в своем деле он Моцарт...

Завод находится на окраине Лучинска, а городская администрация – в центре. Однако масштабы тут другие, нежели в столице. От заводской проходной дошел туда Алексей Михайлович за двадцать минут – и это с учетом того, что по пути остановился выпить бутылочку пивка.

Главным специалистом по потребительскому рынку и лицензированию оказалась типичная чиновница Ангелина Степановна: женщина средних лет, изрядно располневшая от сидячей работы и испортившая на ней зрение. Услышав от следователя про гибель Сурманинова, шумно вздохнула:

– Вот до чего денежки доводят. Многие мои подопечные гибнут. У предпринимателей житье не сахар.

Аккуратисткой Ангелина Степановна была необыкновенной, все бумаги в полном порядке, разложены по папочкам, каждая из которых находится на своем месте. Она показала архивные документы, подтверждающие частнопредпринимательскую деятельность обоих. На всякий случай Курточкин, чтобы не переписывать все цифры и даты, сделал для себя ксерокопии.

Сурманинов, кроме выпускавшей наклейки для ранцев «Радуги», ничего больше не регистрировал. У Стебелькова раньше было четыре общественных туалета в городе. Переехав в Москву, три он продал, в одном оставил за собой контрольный пакет акций.

Покинув администрацию, Алексей Михайлович посетил дома, где раньше жили Стебельков и Сурманинов, поговорил с соседями. О первом из них отзывались очень хорошо: веселый, спокойный, никогда ни в чем не откажет. «Ну бабник, конечно, – сказала одна женщина. – Такой кобелина, что дальше некуда. А кто нынче не бабник!»

В бывшем сурманиновском доме про Максима помнили меньше. Как человек семейный, он вел сравнительно замкнутый образ жизни, к тому же основную часть времени проводил на работе. Поддерживал отношения лишь со своим ровесником Геннадием, жившим на одной лестничной площадке с Сурманиновыми. Иногда вместе выпивали, изредка ходили на футбол и чаще на хоккей – в молодости Геннадий играл за местный «Буревестник».

– Ну а когда Макс переехал в Москву, мы, считай, виделись раз в год по обещанию. Только созванивались. Причем звонил всегда я.

– Когда последний раз беседовали?

– Сравнительно недавно – с месяц назад. Помнится, он тогда сказал, что готовит новый бизнес.

Глава 9

Сестра и ее друзья

Среди ночи Павел Афанасьевич Саврасов почувствовал себя плохо – традиционная тахикардия – и принял таблетку аденолола. После этого, хотя и заснул, спал плохо, урывками, был удивлен и раздосадован, когда рано утром его разбудил телефонный звонок.

Услышав о гибели сестры, Павел Афанасьевич едва не потерял сознание. Дыхание сперло, словно горло схватили рукой. Насилу пришел в себя. Обычно встававшая ни свет ни заря жена в это время гладила на кухне белье. Она каким-то седьмым чувством чуяла неладное. Так и в этот раз – встревоженная Варвара Алексеевна прибежала, отобрала у мужа трубку, выпросила у следователя, куда им нужно приехать, записала телефоны.

Сидя на стуле, Павел Афанасьевич беззвучно плакал. Так неожиданно потерять родного человека, процветающего специалиста, младшую сестру, которую он боготворил. У них большая разница в возрасте – пятнадцать лет. Как с детства взял он над ней шефство, так и не оставлял ее своими заботами даже тогда, когда Тамара Афанасьевна в этом уже вовсе не нуждалась, то бишь со студенческих времен. Бывало, поругивала его за назойливость. Стала на ноги, была самостоятельна, занимала ключевой пост в крупном банке. Совсем немало для женщины. Для него же Тамара по-прежнему оставалась младшей сестренкой. О ней следует заботиться, узнавать, не требуется ли какая помощь.

С грехом пополам успокоив мужа, Варвара Алексеевна приготовила ему выходной костюм, сама переоделась, и в это время опять тревожно заверещал телефон – не звонят им обычно в такую рань.

Опять звонил следователь, только на этот раз другой – старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Турецкий. Выразив сочувствие близким погибшей, он сказал, что все знавшие Тамару Афанасьевну возмущены подобным зверством, горят жаждой мщения. Прокуратурой возбуждено уголовное дело. Даже выдавшие виды следователи потрясены таким изуверством. Они поклялись во что бы то ни стало поймать убийц – и заказчика, и исполнителя.

– Спасибо, – проникновенно ответил Саврасов.

– Должен сказать, – продолжал Александр Борисович, – у нас сложилось двойственное отношение к этому делу. С одной стороны, кажется, преступление совершено спонтанно, без тщательной подготовки. На это указывают определенные признаки. С другой стороны, следов осталось настолько мало, что поневоле начинаешь думать, будто преступники действовали со сверхдьявольской изощренностью. Поэтому показания придется собирать по крохам, принимать во внимание любую малость. Учитывать кажущиеся на первый взгляд малозначащими детали, в том числе проверять знакомства Тамары Афанасьевны, имевшиеся на разных этапах ее жизни.

– Вы хотите, чтобы и я что-то рассказал?

– Безусловно. Уверен, вы нам поможет больше чем кто-либо. Если преступление связано с профессиональной деятельностью человека, то оно должно иметь глубокие временные корни. Подобные эксцессы зреют, как правило, годами. Вдобавок в большинстве уголовных дел нельзя полностью исключать и личные мотивы.

– Я понимаю. Вы скажите, когда и где нам удобно встретиться.

Турецкий не стал называть строго фиксированное время. Они договорились, что после morga Павел Афанасьевич заедет в прокуратуру. И вот в кабинете появился высокий, грузный человек с короткими, зачесанными назад волосами. По его просьбе, пропуск выписывали на двоих человек. Боялся, вдруг будет плохо себя чувствовать, однако потом посчитал, что вполне

может прийти на встречу один, без жены. Зато не один был следователь – он попросил присутствовать Грязнова.

Александр Борисович предупредил полковника, что в виду важности его показаний будет производиться их аудиозапись.

Сначала Саврасов коротко рассказал о себе. Выйдя в отставку, он пять лет назад вернулся из Приморья в Москву, где сейчас преподавал в военно-инженерной академии. Павел Афанасьевич имел воинское звание полковника, научную степень доктора технических наук, а также являлся профессором.

– Моя сестра и я родились в военной семье. Возможно, поэтому мы столь педантичны, стараемся все делать вовремя, никуда не опаздывать. Наш отец прошел путь от старшего лейтенанта до генерал-майора, командира дивизии. Мать была врачом-кардиологом. Отца часто переводили с одного места на другое, поэтому наша семья исколесила всю страну. Достаточно сказать, что я, например, учился в пяти школах. В среднем по два года в каждой. Не успеешь с кем-либо подружиться, как опять пакуются вещи – приходится уезжать. Возможно, поэтому я привязался к сестре, с которой долгое время не расставался.

Отец служил и в Хабаровске, и в Казахстане, и на Украине. Нам повезло: последнее время, перед отставкой, он служил в аппарате Министерства обороны в Москве. После того как я закончил военное училище, он пристроил меня в Генеральный штаб.

Долгое время жизнь Тамары проходила на моих глазах. Это относится и к ее школьным годам, в отличие от меня, сестра училась всего лишь в двух школах, и к институтским. Сестра закончила школу с золотой медалью и поступила без экзаменов в Московский статистическо-финансовый институт. Для меня и родителей ее выбор был несколько загадочен, казалось, она пошла туда методом исключения: медицина не нравится, архитектура не нравится, педагогика не нравится. Но оказалось, выбор был осознанным – институт она тоже закончила с отличием.

– Пожалуй, тут нужно начать говорить и про знакомых, – подсказал Турецкий, – про финансистов. Наверное, с некоторыми из институтских однокашников она связана по многу лет. Как, впрочем, большинство людей.

– Да. Про весь свой поток вообще и группу в частности Тамара всегда отзывалась восторженно. Больше всего она дружила с очаровательной девушкой Людой Скворцовой, в которую, по ее словам, поголовно были влюблены все парни их курса. Эта милая брюнеточка частенько бывала у нас в доме.

Еще к нам регулярно заходили два Тамириных сокурсника: Аркадий Верещагин и Толя Альбицкий. Неординарные ребята, содержательные, симпатичные, остроумные. В общем, у них составила неразлучная четверка.

– Две женщины и два мужчины, – перебил его Вячеслав Иванович. – Надо полагать, между ними установились романтические отношения. Молодость всегда возьмет свое.

– Они имелись, но были неявно выражены. Я хочу сказать, ребята не сильно афишировали их. Все же, как человек более старший, я заметил, что сестре особенно нравился Аркадий. Альбицкий же был равнодушен к Люде Скворцовой. Я бы не удивился таким бракам. Однако через несколько лет Людмила вышла замуж за Верещагина. Но это все много позже. Пока же они были просто студентами. Помимо всего прочего, их объединяло то, что все были в институте на хорошем счету, у всех явно был талант к финансовой деятельности. Ребята настолько выделялись из основной массы, что после получения диплома их всех четверых оставили в аспирантуре. Будучи аспирантами, они по-прежнему представляли собой тесную компанию. Вместе куда-нибудь ходили, отмечали праздники, ездили отдыхать на юг. При этом они отнюдь не бездельничали, каждый писал свою диссертацию, и все четверо быстро защитились. В аспирантуре их круг расширился: они подружились еще с одним аспирантом, Игорем Коростылевым. Выпускник Академии внешней торговли, у него был тот же научный

руководитель, что и у четверки друзей. С появлением Игоря вполне понятный баланс в этой компании был нарушен. Мне казалось, что он ухаживает за Тамарой. Однако судьба помешала сделать мне окончательные выводы, поскольку ребята выпали из моего поля зрения. После очередной реформы Генштаба я попал в немилость к новому командованию и был отправлен на Дальний Восток, служил в Приморском военном округе. Мы с Тамарой вели активную переписку, однако постепенно интенсивность ее пошла на спад. Изложение мыслей на бумаге требует времени, а у каждого свои дела. С подробных писем перешли на краткий стиль, обменивались открытками. Из них я узнавал, что Тамара устроилась на работу в хороший банк «Сердце России», была этим очень довольна. Да и ею, судя по всему, тоже были довольны. От заведующего отделом дослужилась до должности первого заместителя председателя. Кстати, недавно она призналась мне, что в свое время, до прихода Вострикова, совет учредителей предлагал ей место председателя банка. Однако Тамара не согласилась.

– Почему? – удивился Грязнов.

– Посчитала, рановато ей занимать такой пост. Боялась не справиться. Хотя странно – ведь она уже давно работала первой заместительницей. Тамара уже была первой, когда я вернулся в Москву, то бишь семь лет назад. – Павел Афанасьевич развел руками: – Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать.

– Вернувшись в Москву, вы разговаривали с сестрой про ее закадычных друзей? – спросил Турецкий.

– Да, я их раньше хорошо знал, поэтому каждым интересовался. Тамара вкратце рассказывала про них. Все живы-здоровы, Игорь, кажется, давно работает за границей, чуть ли не в ООН. Да и Толя Альбицкий тоже.

– Еще хотелось спросить про сына Тамары Афанасьевны, который носит ее девичью фамилию. Отчество его – Афанасьевич. Как так получилось?

– Для меня это тоже загадка. Понимаете, некоторые деликатные темы нами не затрагивались. Нет, какие-то вопросы по этому поводу я задавал. Но она все сводила к шутке или переводила разговор на другую тему. В общем, уходила от ответа. Она не назвала мне имя отца ребенка. Отшучивалась – пусть думают, что это мой младший брат. Что касается ее мужа, то я Преснякова практически не знал. Они были женаты два года, я тогда жил в Комсомольске-на-Амуре. Прямо скажем, не ближний свет. А из ее скудных рассказов я понял, что это какой-то ленивый человек, совершенно не стремящийся зарабатывать деньги, готов был жить за ее счет. Он находится, что называется, на вольных хлебах, то есть на творческой, точнее, на литературной работе. Пресняков считает себя писателем-сатириком, поэтому только и делает, что острит. Пишет какие-то веселые побрехушки для эстрады, для радио. Цену своей писанине Владимир Михайлович сам прекрасно знает, поэтому иногда, чтобы не позориться перед знакомыми, публикуется под псевдонимом Владимиров. Получает за эту дребедень сущие гроши. Однако не унывает. У него легкий характер, есть масса знакомых, в том числе и состоятельных. Поэтому время от времени спонсоры ему то что-то подарят, то возьмут бесплатно в туристическую поездку, то оплатят издание книжечки юмористических рассказов. Насколько я понял из общения с сестрой, у него был один плюс – по-отечески заботился о воспитании пасынка Дмитрия.

Глава 10

Туалетный король

Во вторник Турецкий собрал всех участников следственной бригады ни свет ни заря – в половине девятого утра. Был приглашен и Троекуров из Департамента экономической безопасности МВД. Александр Борисович опасался, что сыщики после первых стремительных шагов, как порой случается, перейдут на неторопливую рысь. Тогда следствие может затянуться до греческих календ. Поэтому именно сейчас их нужно подогнать, именно на переломе, обозначающем границу между поисками по горячим следам и обычным рутинным, грозящим завершиться унылым «глухарем» расследованием.

Все были ознакомлены с подробными показаниями Павла Афанасьевича Саврасова, брата погибшей. К тому же оперативники разговаривали со многими ее коллегами в «Сердце России». В общем и целом, сотрудники банка подтвердили, что Скворцовская была близкой подругой Тамары Афанасьевны. Упоминалось и имя Аркадия Верещагина. Про Альбицкого и Коростылева никто никогда не слышал. Однако последние две фамилии часто встречались в находившихся в кабинете ежедневниках Пресняковой.

Обзор записных книжек погибшей проводила Галина Романова. Тамара Афанасьевна стала первой заместительницей председателя «Сердца России» около трех лет назад, многие ее записи, сделанные за это время, сохранились. Анализируя их, Романова выявила закономерность: фамилии, проставленные в строках с указанием часов и минут, означали, что туда должна была позвонить в это время Преснякова. Записи в нижней части листов обычно делались во время разговоров с позвонившими ей людьми. Это тоже облегчит работу – по крайней мере известна дата разговора.

Галина расставила фамилии и названия организаций, с которыми общалась Тамара Афанасьевна, по частоте упоминаний, что составило весьма любопытную картину. Как раз чаще всего первая заместительница председателя «Сердца России» общалась с четырьмя однокашниками по аспирантуре, сыном Дмитрием, а также с одиннадцатью московскими банками, недавно лишившимися лицензий.

– Насчет банков, майор, без вашей помощи не обойтись, – обратился Александр Борисович к Троекурову.

Тот согласно кивнул:

– Мои люди будут задействованы. Проверим.

Галине Романовой поручили пройти по следам Скворцовской и Верещагина, Володя Поремский должен был заняться проверкой Альбицкого и Коростылева. Вячеслав Иванович вызвался разобраться с загадочным существованием сына Тамары Афанасьевны. Турецкий пообещал поговорить с бывшем мужем погибшей, Пресняковым.

– Ну а вам, Алексей Михайлович, остается довести до победного конца линию охранника, – извиняющимся тоном сказал руководитель группы Курточкину. – Складывается впечатление, что линия побочная, ложный след. Однако на полпути бросать нельзя. Особенно если учесть, что у Сурманинова существовал какой-то загадочный бизнес. Значит, могли быть и конкуренты, и кредиторы, и должники. И существует вероятность, что сейчас на направлении главного удара находитесь вы, а не мы.

В глубине души Курточкин тоже надеялся на это. Мимолетное упоминание прежнего сослуживца Сурманинова Геннадия о бизнесе Сурманинова, судя по тому, что о нем мало кто знал, тайном, вселяло надежду.

Координаты его бывшего компаньона Стебелькова разыскали через адресный стол. Сергей Николаевич приобрел себе квартиру в районе Марьиной Рощи, в новой высотной башне.

Обычно в таких домах люди достаточно разобщены, мало что знают о соседях. Так и сейчас – милый, общительный человек, не чурается женского общества. Есть у него новая «ауди», которую держит в гараже рядом с домом. Однако кто Стебельков по специальности, чем он занимается, никто не мог сказать.

Сержант Сыромятников, дежуривший в вечер двойного убийства на Кутузовском, дал примерное описание внешности преступника: среднего роста, крепкого телосложения. Даже отсюда можно понять, что высокий, худощавый Стебельков слеплен из другого теста. Да и вряд ли станет бизнесмен выполнять работу киллера. Ему проще заплатить, чем рисковать самому. Сразу устанавливать за ним наблюдение, выявлять связи бессмысленно. Сначала нужно позондировать почву, поговорить. Может, там такое алиби, что и уцепиться не за что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.